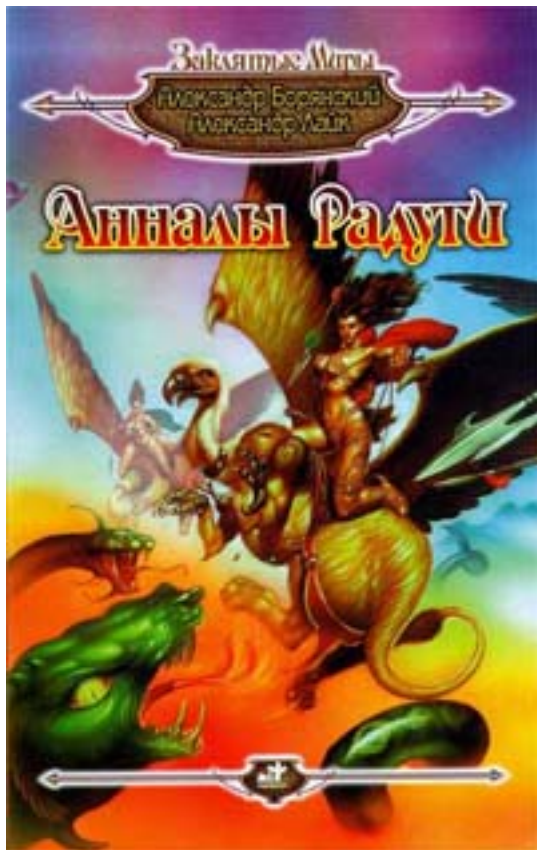

Заклятие Мира

Александр Борянский
Александр Малик

Анналы Радуги

Александр Лайк
Синий, как море
Серия «Анналы Радуги», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157123
Анналы Радуги: АСТ – Terra Fantastica; СПб; 1997
ISBN 5-7921-0148-5,5-15-000266-6*

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЗ ДИАНАРА	4
1	4
2	29
3	53
4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александр Лайк СИНИЙ, КАК МОРЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЗ ДИАНАРА

1

Я мчался по росистым лугам, длинные упрямые стебли сплетались на лодыжках и тут же размыкали бессильные объятия. И стройная девушка бежала навстречу мне, распугивая голубовато-жемчужных птиц. Я откуда-то знал ее имя – похоже, я видел ее раньше в этом сне. Айроу звали ее. Странно сплетались в этом имени яркая зелень лугов, звон стали и бесшумный полет стрелы, рассекающей голубой небосвод. Я кричал – кажется, звал ее по имени. Она, размахивая руками, тоже выкрикивала что-то на бегу. Я прислушался и наконец уловил звуки ее голоса в шуме весеннего ветра.

– Уходи! – кричала она. – Не приближайся! Возвращайся быстрее! Туда! Туда! Возвращайся в свой проклятый погубленный мир!

Я обернулся. И замер.

Позади расстилалось пожарище. Обугленные скелеты де-

ревьев и кустов рисовали на фоне кровавого неба черную кладбищенскую решетку. Угольно-черный ковер покрывал холмы. Неслышно рушились черные башни, пересеченные косой багровой полосой. Неслышно воздвиглись они на месте цветущих лужаек, мимо которых я пробежал секунду назад; и так же беззвучно низвергались в холодную вечность небытия. И вообще ни одного звука не доносилось с этой стороны, со стороны востока – или запада? Солнце, рдеющее жарким углем среди дымных туч, касалось горизонта и было недвижно. Я почему-то не мог сказать, поднимается оно или заходит. Оно словно бы специально замерло в том месте на небе, откуда могло заливать густеющим багрянцем серебряные следы в золе.

Мои следы.

Там, где я наступил на ажурные прутики сгоревшей травы, обрушивая мертвое подобие жизни, стирая его в прах, оставался лишь легкий, как осенняя паутина, пепел.

Я посмотрел себе под ноги.

Под моими подошвами пылала земля.

И тут же сильный удар в спину заставил меня пошатнуться. Я отпрыгнул в сторону, но как-то медленно и с трудом. Как будто плыл глубоко под водой, и, прикоснувшись ко дну, попытался оттолкнуться, а потом снова опуститься в нескольких шагах оттуда.

Сзади была подбежавшая вплотную Айроу. Теперь и она не была похожа на девочку среди жемчужных лугов. Растре-

панная, оборванная, покрытая копотью... Хо, а в саже и копоту на лице что-то прозрачное и жидкое проложило дорожку...

В следующую секунду Айроу в бешенстве ударила меня по лицу. Да так, что я готов был поклясться всеми коронами Радуги – на лице у нее отродясь не было ни одной капли соленой влаги, кроме пота.

– Убирайся к дьяволу, барон Мрака! – приказала она, и в голосе ее звонче, нежели в имени, звенела сталь. – Убирайся в ад, откуда ты родом, и никогда, слышишь, никогда не смей выбираться оттуда. Иначе, клянусь, я сама убью тебя, если никто иной не осмелится сделать этого!

Я успел заметить солнце у нее за плечом. Там, на зеленой половине мира, оно стояло еще высоко, хотя заметно склонилось к западу. Почему к западу? Не знаю. Как не знает никто на свете, хотя никто никогда в жизни не спутает медовое золото смуглого вечера с ослепительно белоснежным румянцем утра. Почему это так? Надо когда-нибудь подумать. На досуге.

– Ну? – Айроу напряглась.

– Почему? – с трудом выговорил я. Как-то очень трудно мне давалось каждое движение.

Айроу презрительно выпятила губу.

– Я сама долго не понимала, почему, – бросила она. – Пока ты не убил Бансо! Зачем ты его убил?

Предыдущую картину закрыло видение: отрубленная дра-

конья голова на пожухшей траве. Из обрубка тонкой шеи тонкой ниткой тянется едкая смолистая кровь. И странное чувство вызывает теперь эта беззащитная птичья шейка – не страх, не отвращение, а жалость.

Почему-то у меня не находится ответа. Я знаю, что он есть, но не могу его найти, не могу нащупать в том вязком клее, на который, кажется, попались и тело мое, и душа.

– Я ухожу.

Больше мне нечего сказать.

Я бреду по безумной границе – левая нога по золе, правая по мгновенно вспыхивающей траве. Главное – не возвращаться, не оборачиваться, не попасть в собственный след. Не возвращаться по следам своим... Отчаянная дерзость вспыхивает во мне. Я рывком останавливаюсь – да, рывком, страшная сила инерции тащит меня дальше, но я упираюсь каблуками в визжащее пламя и останавливаюсь. И решительно наступаю на свой след.

Только горящая трава успеваает мелькнуть перед лицом. Я провалился. Я мчусь по бесконечному посмертному коридору с бесчисленными поворотами, по неслыханному тобоганному спуску, по горной реке, огибающей все валуны в мире, я низвергаюсь в преисподнюю, преодолевая безумные препятствия...

Нет, рекой назвать это вернее – я не прилагаю усилий к управлению, да и не могу приложить. Меня несет по течению, как щепку. Только лица почему-то мелькают на берегу.

Данк. Кто это? Опять я знаю имя того, на берегу, и не могу вспомнить, ни кто это такой, ни откуда он знаком мне.

– Не волнуйся, малыш! Все гораздо хуже, чем ты боялся! – голос вроде бы знакомый. Но!.. Но, черт побери, но!.. Сплошные «но». Судя по всему, память тоже изрядно испу-пали в этом проклятом клее.

На следующем повороте – мама. Нельзя сказать, чтобы очень добрая.

– Ты допрыгался до серьезных неприятностей. За эти штучки я тебе еще оторву пару ушей! Попозже, когда все утихнет.

И в ее слова хочется верить. То есть не хочется, конечно, но очень верится. Интересно, сколько, по ее мнению, у меня ушей? Или это украшение излишне для неслухов?

А вот этого парня я видел совсем недавно. Только... только как же его зовут?

– Когда я замечаю, что кто-то из нашей компании узнал что-то новенькое, у меня сразу возникает мысль – а не слишком ли много он знает?!

Ласковое приветствие. Хороший друг, что ли? Нет, судя по откровенности интонаций, родственник. Близкий.

Вдруг я ощущаю настоящую потребность крикнуть вслух одно слово... Нет, не слово. Имя... или название?

– С... сма-арт!

Не то. Звучит очень похоже... вы догадались. Любимое «но».

– Сен-Мартли!

Ближе. Но...

– Сей Мергель!

Река несется стремительно. До финиша – несколько секунд. Если не успею...

– Саармарг!

Ах, черт! Последняя попытка!

– Смаугли!

И я с размаха расшибаюсь об каменную стену, вернее, влипаю в железный столб, зачем-то вбитый посреди желоба, рассыпаюсь на сотни осколков и влетаю в солнечный день.

– Властитель Райдок! Извольте пробудиться!

– М-м-м, – я действительно то и думал, что сказал. Властитель Райдок – это я? А речка что, совсем кончилась?

– Властитель Райдок!

– М-мм-гм, ыгм, – изъяснился я и пошарил перед собой руками. Судя по всему, проклятый клей у меня и во рту побывал.

Да и глаза открылись с трудом. И сразу начали слипаться.

Склонившаяся над ложем служанка смотрела на меня с ужасом.

– Властитель Райдок!

– А гхы гм хмфы во, гы! – возмутился я и протянул руку с настойчивостью взгляда, то есть руку пустую, а во взгляде недовольное настояние на всем своем... Проснусь – объясню.

Ну что они, не могут, что ли, сообразить, что человеку нужен сосуд с жидкостью, для выпить внутрь?

– Властитель! – теперь в голосе этой таинственной женщины появились забота и тревога. – Вам плохо?

А кому на моем месте было бы хорошо? Только не нужно мне сейчас рассказывать об этой самой избранности и врожденном счастье принцев! Да, я вспомнил. Я действительно властитель Райдок. Для окружающих вообще Властитель с большой буквы. Ну и что? Что мне делать с этой большой буквой, если ни одна скотина кружку воды не даст? Пьяный кабатчик бы уже догадался...

– Воды, – наконец-то выдавливаю я из себя. – Хорошо мне. Только воды... Мне хорошо, и холодной водички.

Только самые неудобные места на самых тоскливых церемониях, без права выйти в туалет, только унижительная необходимость удерживать высоко поднятую голову на вытянутой из последних сил шее, без права сбросить двухпудовые золотые вериги, только непоколебимость хорошей мины даже тогда, когда безнадежная плохая игра уже закончена – вот и все, что достается принцам. Брошу все и уйду к чертовой матери в монастырь. Вот только вспомню, что это, и уйду...

– Воды дай...

Как же ее зовут, эту дуру? Селия... Или Сейла? И никакая она не служанка, а третья фрейлина двора, кстати... стерва.

– Властитель, вы заснули на солнце, я опасаясь предложить вам холодной воды. Это может вызвать недомогание.

Я вяло отмахиваюсь.

– Вели чего-нибудь иного. Только жидкого и прохлаждающего.

Ну? Вы понимаете? Любому бродяге можно холодной воды, а принц Райдок обязан блюсти драгоценное для Короны здоровье!

Ну ладно, кокетничаю я, кокетничаю. Я вообще с детства капризный, и это мне как раз можно. Бродяге нельзя, кабатчику нельзя, фрейлине вот нельзя, а мне можно. Мне вообще все можно. Даже холодной воды, только со скандалом. Но скандал-то мне тоже можно!

– Селия...

– Сейлен, ваше могущество, к вашим услугам.

Почему не сиятельство? Разве не сиятельство? А впрочем нет, не сиятельство. Все. Просыпаюсь. Вспомнил я, что такое монастырь. Противная штука, однако! Не пойду я туда.

– Сейлен, я не разговаривал во сне?

Сморщился в попытке угодить целомудренный лобик.

– Я подошла всего за несколько секунд до вашего пробуждения, Повелитель. Ваша матушка приказала разбудить вас и готовить к церемонии. Ваше могущество изволили спать тревожно, но разговаривать не изволили. Сок шериса, если угодно.

Угодно, конечно. Я выпиваю почти полный кувшин приторной прохладной жижицы. Во рту становится еще пакостнее.

– Умыться!

Я постепенно все-таки выползаю из этого идиотского сна, хотя полного ощущения реальности еще нет.

– Сейлен, мне снилась какая-то удивительная глупость. Меня ругали за убийство дракона... Я как-то всегда считал, что убивать драконов – это подвиг.

– Разумеется, подвиг, мой Повелитель!

Все. Ожил. И в интонациях этой дуры... Кстати, сколько ей лет? Наверное, около двадцати. Черт, а в момент пробуждения она показалась мне эдакой немолодой бабищей... Сколько же надо извести благовоний и притираний, чтобы добиться такого потрясающего результата!

Сморщенный слуга подает поднос с умывальностями. Из косых прорезей в коричневом пергаменте лица за мной наблюдают внимательные глаза. Боги высоких храмов, это ж надо – запихать в такие крошечные щелочки такие огромные зрачки!

И вообще, странные они там, в Желтом Домене. Даже пленники.

Я быстренько разбираюсь в кувшинах. Этот с розовой водой, это спасибо; это травный настой, это с соком мыльного корня... Вот!! Чистая холодная вода, пожалуйста, ваше могущество!

Можно и без скандала. Пока Сейлен не видит.

– Сейлен, рассказывай новости, – я быстро отхлебнул из кувшина.

– Все уже готово, мой Повелитель. Сейчас вас облачат как подобает, матушка вручит вам знаки Огня и прямо к Переключке Очагов! Уже сегодня я обращаюсь к вам «ваше сиятельство».

Ага, все-таки вот оно, сиятельство! Я почувствовал вдруг легкую озабоченность. С памятью что-то было не в порядке. Не могу сказать, что, но определенно что-то было не так.

Всякий знает, как порой чувствуешь необходимость проснуться, но не можешь этого сделать сразу. Вот ты уже понимаешь, что происходящее с тобой – только сон, но все же совершенно беспомощен; события идут своим чередом, а ты прилагаешь отчаянные и бесплодные попытки вырваться из наваждения наружу, в реальный мир, но не состояниии этого сделать.

У меня все было точно так же, только наоборот. Я уже давно проснулся и прекрасно осознавал реальность окружающего. Но я не мог до конца выйти из сна и овладеть здоровой памятью. Памятью о реальных событиях.

Я застрял между сном и явью, только не так, как обычно – девяносто пять процентов сна и одинокий огонек пробуждения. Гораздо хуже – на девяносто процентов я уже проснулся и дальше просыпаться вроде было некуда. Но десять процентов моего мозга – те, которые делали меня мной, те, что придавали остроту моему разуму и хранили память о главном из прожитых дней – эта часть рассудка затмевалась пылающим факелом сновидения.

И я уже тянулся к этому, реальному миру – но сквозь мутную пелену призрачного видения. Сна. Бреда. Марева.

И реальный мир ускользал от меня.

Что такое, черт побери, эта самая Переключка Очагов?

И почему я не должен был убивать дракона?

И самое главное – почему дурацкий вопрос из глупого сна кажется мне важнее, чем церемония, после которой приличных принцев с мозгами без сквозняков начинают называть «сиятельство»?

Я ополоснул напоследок лицо розовой водой и потянулся за куском ткани, чтобы утереться.

– Сейлен, – укоризненно сказал я, – сколько раз надо говорить, что шелк для этого дела не годится?

– Но это же не шелк, ваше могущество! – запротестовала холеная кобыла. – Это же радужная паутина с горных отрогов Желтого Домена! Ей нет цены, и красота ее все объясняет!

– Зато она совершенно не впитывает воду, твоя паутина! – рывкнул я. И я, кажется, не слишком похож на муху, чтобы обматываться паутиной по утрам!

– Уже полдень, ваше могущество, – ресницы Сейлен упрямо дрогнули.

– Все равно! Вели со следующего раза – только хлопок. Сто раз ведь просил!

– Хорошо, ваше могущество, – теперь голос девчонки дрогнул от скрываемой обиды.

Но ведь действительно сто раз просил! Черт бы меня побрал, всякую ерунду, чушь какую-то помню, а что я должен делать со Знаками Огня... Поздравляю вас, ваше почти сиятельное могущество, крыша съехавши на старости лет. Ах, дерьмо, а сколько же мне лет?

Приехали.

Третья фрейлина тоже плачет. Из-за тряпки. Отвернулась к колонне и плачет. Трахнуть ее, что ли, когда-нибудь? На досуге. Что-то я, кстати, уже грозился недавно сделать на досуге... Только что? А трахнуть, в смысле, для просветления мозгов. Только это палка о двух концах. У некоторых, наоборот, последние мозги странным образом мутнеют. Кстати!.. Что-то больно у нашей Сейлен мозги мутные... Уж не того ли я ее грешным делом уже? На досуге?

Как, даже этого не помню?

Все, принц Райдок. Иди-ка ты, парень, к маме, расскажи ей, что у тебя с головкой, и баиньки. Да попроси кого-нибудь, чтоб напомнили, где и как здесь писают, чтоб не пришлось менять пеленки. А в приличные места тебе пока рано.

Или уже поздно. Что больше похоже на правду.

Сколько же мне все-таки лет? Уже из принципа интересно. На ощупь больше пятнадцати и меньше семидесяти. Но, может быть, кто-нибудь знает точнее?

Интересная мысль. Такие мысли надо думать, долго и со вкусом. Вот обернуться, например, и небрежно так спросить: «Милая Сейлен, к слову сказать, сколько мне лет?»

Вот тут ребенок точно решит, что над ним издеваются, и умрет с горя. Нетрах... Тс-сс.

Кстати, пытаясь собрать извилины в кучу, я здорово старею с каждой минутой, если судить по тому, как я думаю о Сейлен. Тетка. Бабища. Женщина. Девка... к-кобыла... Девчонка. Ребенок.

А я, черт побери, тогда кто?

И почему все-таки нельзя убивать драконов?

Ой, тля!.. Мать и мать твою! Это цветок такой, наверное, мать-и-мать... Но дело не в цветке, а в принципе. Почему это спрашивается, Айроу меня, принца Белого домена, назвала бароном Мрака? Это как-то, знаете ли, обидно – барон... Что ли, я ей какой барон безродный? Я же принц... вроде бы. И что такое Мрак? Марах – знаю: город такой есть, почти на границе Оранжевого и Желтого доменов. Но все-таки еще в Желтом. Незадолго до моего рождения из-за него здорово воевали. Город несколько раз переходил из рук в руки и был почти что стерт с лица земли. Но в конце концов Желтые Горцы его отбили, расположили в руинах гарнизон неслыханной силы – четыре полных Знамени, и варвары отступили. В книгах и хрониках это обзывается Марахским конфликтом, но на самом деле это была война. Необъявленная, недолгая, но страшная, какой бывают только войны. А в слове «конфликт» есть какая-то несерьезность, даже игрушечность. Вот если я сейчас Сейлен в голову поднос запущу, это будет конфликт. С памятью у меня конфликт и отнюдь

не пограничный. По-моему, это какой-то акт гражданского неповиновения. В смысле моих мозгов мне же. Или вот с Айроу у меня конфликт.

А конфликт ли?

Парень, тебе не кажется, что это все-таки война?

В мыслях моих наступила продолжительная напряженная пауза. Ну почему, почему события сна кажутся такими важными?

Наконец я начал кое-что соображать. Проклятый сон выглядит таким реальным (или наоборот, реальность такой зыбкой) потому, что я воспринимаю их с равной степенью недоумения. Я не помню событий, предшествующих последним минутам сна, и плохо понимаю их. Но я и реальность плохо помню и понимаю! Значит, они для меня находятся в равном положении. И сон даже слегка предпочтительней, потому что был сначала. Вначале был сон...

К тому же, бредовость сна воспринимается, в общем, естественно, и не вызывает протеста. А иррациональность, обрушивающаяся на бодрствующее сознание – это беспомощность. Это безмолвный вопль ужаса. Это, по сути, нежелание признать действительность, крик о помощи, попытка отказаться от злой истины, несогласие с ситуацией. Несогласие, доходящее до детской просьбы «не надо». Не надо мне такой действительности! Дайте мне проснуться еще раз, так, чтобы все было хорошо. Или верните хороший сон, который плохой, потому что страшный, но все равно очень хороший,

потому что сон и никто на самом деле меня не обидит.

Кстати, пока я спал, я не знал, что это сон.

А дальше начинается совсем уж жестокий крутой солипсизм. Подлое дело. Проходит под девизом «а сейчас ты в чем-нибудь уверен?»

Что я могу? Строить предположения? Быть обманутым в предположениях и ожиданиях – больно, обидно, и очень некрасиво с собственной стороны. Обмануться. Обмануться, единственного, родного, ненаглядного!.. Ах, какая же я бяка нехорошая! Был бы. С вот таким «БЫ», с двух больших букв. Не буду я строить предположения. Я взрослый, большой, умный мальчик. Я сейчас подводить итоги стану. Три минуты на то, чтобы свести счеты с жизнью. От рождения до текущего момента.

– Сейлен, фруктов, зеркало, готовить одежду. Я тобой доволен.

Ха, как расцвела! Почему же ей так важно мое одобрение? Потому что принц (в скобках: карьера, деньги, титул, уважение окружающих, смешанное со сплетнями)? Или потому что любимый любовник (в скобках: сплетни окружающих, смешанные с уважением, титул, деньги, карьера)?

Так. Прекратить думать обо всякой херне. Мозгов осталось мало, их надо экономить. Они, мозги, еще призваны как-то спасти лицо (положение, титул, деньги, наверное... сплетни всякие). Самому мало!

– Фрукты, мой Повелитель!

Это вкусно. Может, это вообще первый в моей жизни по-настоящему осознанный фрукт, вот этот, который... как он называется, такой оранжевый с голубинкой? Совершенно идиотское ощущение; помню, что я всегда это забывал.

Еще раз «так». Что я помню? Почти весь окружающий мир, за исключением незначительных деталей. Основные принципы логики в порядке. Науки всякие помню... ну, если не считать того, что я их никогда толком и не знал. Совершенно ничего не помню о себе, не считая очевидного – мужчину, например, можно ощупью проверить, да и голос... Слово «мужчина» вызывает полный комплекс воспоминаний общего характера, но ничего личного. Прекрасно помню все, что произошло после пробуждения, и в состоянии это анализировать. Отчетливо осознаю свою ущербность и пытаюсь с ней бороться. Ни хрена не помню из той информации общего характера, которая имеет ко мне непосредственное, личное отношение. В частности, не помню географии родного Домена (хотя прекрасно вспоминаю карты зарубежных территорий), не помню архитектуры здания, возле которого нахожусь, дипломатии, генеалогии, истории последних лет, придворного церемониала – ни черта я не помню! Так, наверное, могла бы себя чувствовать кукла с мозгами, только что созданная великим мастером – зная все про мир и ничего про себя. Что ж, придется выяснять все заново.

То, о чем мне или при мне говорят, я достаточно легко вспоминаю.

Этим надо воспользоваться.

Но успею ли я за оставшиеся мне минуты раскачать кого-нибудь на сверхскоростное изложение основ моей биографии и сопутствующих обстоятельств?

Вряд ли.

Собираем в кучу уже известное.

Я, принц Райдок, еще не достигший всего, на что могу рассчитывать в силу происхождения, заснул... очевидно, в саду, вероятнее всего, у дворца. Если это дворец... бывают ведь и бедные принцы. У здания, содержащего апартаменты моей семьи – там ведь где-то одежда внутри, есть и кухня, и слуги.

У меня есть мать, которая меня ждет. Надо полагать, за некоторое время до моего рождения был и отец. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Не отвлекаться! Мало ли чего мне неизвестно?

Я заснул и видел сон потрясающей яркости, сопровождаемый и прочими сенсорными сигналами, помимо зрительных. Отметим, что чувства были серьезно деформированы – например, горячий ветер со стороны рушащихся башен я ощущал отчетливо, огонь же под ногами совершенно не обжигал.

Бред какой-то. Главное, я знаю, что это был сон. И события в нем не соответствовали известной мне логике реальности. Когда же я проснулся, то испытал... что? Очевидно, это следует рассматривать, как локальную амнезию. Впрочем, я

не психиатр.

По голове меня никто не бил, поэтому не возьмусь трактовать это безобразие как травматическое изменение.

Стоп!

Может быть, солнышко? Тепловой удар?

Удивительно избирательное нарушение, конечно, но что мы знаем о тайнах мозга? Перегрел бедный Райдок самую главную фиговинку в лабиринте извилин и остался без сладкого.

Поехали сначала, и быстро.

Если со мной обращаются, как с нормальным, здоровым существом, значит, до последней секунды бодрствования я не проявлял признаков психических отклонений. Значит, все помнил и на все реагировал нормально.

Если проснувшись, я обнаружил, что не помню ничего, значит, изменение произошло во сне. Есть!

Сам сон отчетливо делится на две части. От первой у меня осталось только смутное впечатление, что она, первая часть, была. Вторую я помню ярко. Очень ярко. Необычайно ярко.

Значит, я испортился черепком во сне, а именно – за несколько секунд до встречи с Айроу. Да понимаю я, понимаю, что встреча мнимая! Приснившаяся. Но все-таки...

Может быть, сон был... как это... вещей? Может такое быть? А вещи сны вообще бывают? Вещий... Мистика... Магия... Колдовство... Колдун...

Вспомнил!

Я такое вспомнил, что даже фрукт безымянный из рук выпустил.

Ну конечно же, бывает магия. Все бывает. Ни фиги себе, решил, что помню все науки! Целая отрасль естествознания из головы вылетела!

Единственная, кстати, к которой я имею хоть какое-то отношение.

Я закончил Мальренский универсарий, кафедра ультрагностики, факультет сакральной проскопии. Я стажировался два цикла у магов одного из Великих Алтарей, в Храме Истины, в Дейненделльском лесу. Все это было за несколько оборотов до того, как Зеленый домен закрыл свои границы для чужеземцев.

Сейчас во всем Белом домене есть всего лишь двое, побывавших в Дейненделле – я и колдун Сагастен.

Еще тогда, в храме, во время мантического ритуала мне было дано знать: двадцати девяти лет отроду, почти одновременно с одним из решающих событий моей жизни, меня коснется во сне рука невиданного доселе чародейства. И будет это в сапфировый день, четырнадцатого счастоцвета, в столице Белого домена Дианаре.

Целый кусок жизни внезапно открылся передо мной. Без деталей, без особой ясности, но было это – как опустить обожженное лицо в прохладную воду. Теперь я знал достаточно, чтобы унять дрожь во всем теле. Теперь у меня был настоящий ключ, для того чтобы открывать сокровища от меня.

Я был просто-напросто зачарован во сне. Сурово зачарован, так, как никому до сих пор и не снилось. А мне вот уже приснилось!

Ура! Еще раз ура!

Так жить можно.

Последняя маленькая проверка...

– Сейлен, напомни, пожалуйста, сегодня четырнадцатое?

– Четырнадцатое, мой повелитель, в сапфире, день благодетельного источника.

– Четырнадцатое счастьецвета, – задумчиво повторил я, как бы размышляя вслух и незаметно поглядывая на фрейлину. Название месяца не вызвало протеста, Сейлен даже кивнула машинально. Вторая проверка!

– Скажи мне, только прямо и без церемоний... Как ты считаешь, не слишком ли я молод для того, чему суждено свершиться сегодня?

Сейлен раздумчиво и серьезно поглядела мне прямо в глаза.

– Нет, мой принц. Через несколько месяцев вам уже тридцать – по правде, самое время. Я понимаю, для Белого домена это не совсем привычно, но ведь были и золотые времена побед! Царственный Селекс, да упокоят боги его дух, стал Белым принцем в двадцать два года и правил сто одиннадцать оборотов! Да и Проклятый, не будь он назван, призывает к Цвету совсем молодых...

Ах, как много прояснилось, сколько вспомнилось! Что же

ты замолчала, девочка, говори, говори... Эх!..

Ну, ладно. Я рывком поднялся с ложа.

– Одеваться!

– Прошу во дворец, Повелитель. Все готово, все ждет.

– Возьми фрукты, отнеси в комнату.

Не могу же я так просто признаться, что не знаю, куда идти! А принц должен идти первым – если идти вдвоем.

Однако теперь главное – не потерять ее из виду. Ишь ты, как рванула! И на ходу произведем очередную волну осознания.

Я – один из наследных принцев Белого домена. Мой отец жив, именно он сейчас правит страной – одиннадцатый правитель династии Селексингов, Белый принц Сенрайд. Сегодня я должен пройти официальную церемонию признания. Я еще не могу толком вспомнить, в чем она заключается, но сегодня я получу Цвет, место в наследной иерархии, васальный город – столицу колората, и в нагрузку – право на титул «сиятельство».

И еще – есть нарушитель Закона Доменов, Проклятый, Отвергший Цвета. Он властвует над землями, что граничат с нами с юга. Смертельно опасный, воинственный сосед, играющий в Войну без правил.

А я, как на грех, зачарован.

Ну, это не беда. Теперь очень просто решить, что делать дальше. Следует при первой возможности встретиться с Сагастеном, рассказать и объяснить ему все... если я не сде-

лал этого заблаговременно. Кстати, сделал или не сделал? Не помню.

Впрочем, это неважно. Можно спросить прямо у него. Сагастен поймет. Он ведь колдун опытный, еще прадеда моего помнит.

Потом надо будет вместе с ним – для страховки – провести обряд Сопричастности и тут же определить, на что призваны наложенные чары. Если на добро – пусть сбудутся поскорее и развеются. Если на случай – оценить и квалифицированно решить, стоит ли играть в кости с Удачей, или лучше стереть заклятие обнулением. Свести в пустышку.

Ну вот, кстати, хоть бы и в кости под него сыграть. В крайнем случае проиграю.

А уж если чары сотканы мне на зло, тогда проследить нить до Заклинателя – тоже, между прочим, интересный должен быть парень. Давненько я не слыхал о здравствующих Заклинателях снов. Впрочем, понятно, почему. Потому что проследить нить до нахала и лишить его всяческого здравствования. Голову оторвать скотине, если на зло заклиал!

А на то преизрядно смахивает, потому что кто же на добро станет такое чикнутое заклятие наводить – с потерей последней памяти!

Но тут он как раз ошибся в выборе кандидата. Экий же я молодец! Двадцать минут размышлений – и конец всем его надеждам. Разобрались мы во всем, будем плавать карасем... Э-э-э, песенки поешь, по сторонам не глядишь. Куда

Сейлен подевалась?

Ага, перекрестье коридоров, здесь налево, и в тридцати шагах по правой руке дверь распахнута.

– Сейлен!

Выглянула девочка из дверцы, звездочка моя глупенькая. А то мало ли у кого дверь распахнута?..

– Сейлен, принеси еще сока. Что-то я никак напиться не могу.

– Сей миг, мой Повелитель. Но извольте поторопиться, до церемонии полгонга, не больше!

За полгонга можно одеться, раздеться, уточнить наши с тобой отношения и одеться заново. Но рисковать не будем. Вдруг придется всей свитой вспоминать, какой сапог у меня левый?

Я величаво вошел в комнату. Плохо дело. Еще две девочки и парень. Паж, надо полагать. Мой собственный, не иначе. Как же вас зовут, мерзавцы, навязались вы на мою голову?!

Придется обойтись безличными обращениями. А, вот это здорово! Здоровенное такое зеркало во всю высоту стены. А я все-таки лопух. Приказал принести зеркало еще в саду, а заглянуть забыл. Ну-ка, посмотрим, что мы там увидим... И увидим ли мы там?.. Хвала богам, увидели. Значит, до состояния полной нечисти я не дочарован. И на том спасибо.

А вот на столике лежит симпатичный блокнот с вдохновляющей надписью «Для памятных заметок». Вот чего мне

всю жизнь не хватало. Только небрежнее, Райдок, ленивее... Не привлекай внимания любопытной рожей... Какая сволочь страницы склеила своим поганым вареньем?

Какая, какая... Есть тут одна... бесцветный принц такой... Так, четырнадцатое счастьецвета... Ну я и умница! Как же я себя люблю! Велеть Орбену подать Ванаир...

– Орбен! Ты приготовил Ванаир?

– Но Повелитель, это же боевой меч!..

– Именно!

– Повинуюсь!

Парень сбежал. Дальше. Велеть Ирмис и Алоре подобрать белые камни Белого домена. Логично.

– Ирмис! Алора! Какие камни вы принесли?

– Рубины, ваше могущество, шпинели, турмалины...

– Белые достали?

– Но ведь, ваше могущество...

– Растяпы! Цвета Домена!

– Ох!.. Сей миг, Повелитель!

Исчезли. Определенная логика записи наблюдается. Услать Сейлен за напитками. Уже. Открыть средний ящик секретера и вынуть синий конверт. Так. Вот этот ящик... и надо полагать, этот конверт.

Перед тем, как взломать печать, я глянул на надпись поперек конверта и остолбенел. Я потерял дар речи. Я потерял дыхание. Я потерял контроль над собой, остатки здравого смысла, с таким трудом соскребенные со стенок всех

сусеков, я потерял присутствие духа... Я потерял голову. Я остался один, нагой и трепещущий ребенок на самом краю пропасти безумия. Я не потерял только сознания и до сих пор не понимаю, как мне это удалось.

На конверте было написано:

«Тому, кто четырнадцатого счастоцвета после полуденного сна будет мнить себя принцем Райдоком.

И подпись.

«Принц Райдок».

2

В следующую секунду мои руки швырнули конверт обратно в ящик и правым локтем задвинули тот в секретер. И я был благодарен своим рукам.

Негромкие шаги прозвучали в коридоре совсем близко и на пороге возникла прекрасная женщина. Ей никак нельзя было дать больше двадцати пяти лет, но глаза, глядящие сквозь циклы и лиги, сквозь кожу мою и мясо прямо в тот уголок моего сердца, где я пытался укрыть вредные мысли... Эти глаза и властно сжатые губы называли другой возраст – лет триста, что ли... Я дрогнул и отступил от секретера к аккуратно разложенному на столе костюму.

– Я рад тебя видеть, мама, – сказал я.

Она внимательно разглядывала меня.

– Я тоже рада тебя видеть, – сказала она, наконец, – но я не рада тому, что вижу. Я хотела говорить с тобой сейчас, но оказывается, последние минуты перед церемонией ты потратишь на одевание.

– Но ведь мы можем говорить прямо сейчас, пока я буду...
– попытался возразить я.

– При слугах? – фыркнула мама.

– Слуг можно отослать, – робко сказал я.

– Тогда к вечеру ты, пожалуй, оденешься, – с невыразимой интонацией сказала мама. – Но я представляю себе, как ты

будешь выглядеть!

– Но мама...

– Не стоит ничего говорить, – сказала она, отходя к окну. Постарайся одеться побыстрее, мне нужно поговорить с тобой наедине хотя бы несколько минут. Куда ты подевал своих ротозеев?

Ах, дьявол тебя забодай, прекрасная принцесса, ваше сиятельство Изумрудная принцесса Альда, ненаглядная моя мамочка! Клянусь Жезлом Битв, мне эти несколько минут наедине с собой были куда нужнее!

Но уже входила Сейлен, держа на подносе два кувшинчика, а следом ворвался и этот, как его... Орбен, что ли. Парень принес меч, и клянусь всеми богами, сколько их есть, если бы я должен был сейчас выбирать себе оружие, я бы выбрал эту прелесть. Я испытал чувство двойного, даже тройного удовольствия, недоступное большинству живущих – обновленная радость обладания, еще обостренная отчетливым осознанием того, что однажды это чувство уже было таким же свежим и полным, и счастливая уверенность в себе, в целостности себя. Я остался таким же, каким был до заклятия. Во всяком случае, мои вкусы и пристрастия не изменились.

– Я с трудом взял его в руки, ваше могущество, – задыхаясь, сказал Орбен. – Он опять несет в мир память о предвечных руинах Ралладора. Клинок дышит смертельным холодом, Повелитель, камни рукояти то и дело вспыхивают адским огнем, а серебряные кольца на сафьяне ножен горячи,

как угли Айнала. Будьте осторожны, мой Повелитель.

– Ты распустил своих слуг, – сказала мама, не повышая голоса. Но лицо Орбена мгновенно посерело.

– Ваше высочество! – сказал он умоляюще. – Я исполнен преданности Повелителю Райдоку. Чем заслужил я ваш упрек?

– Упрекать тебя – право и обязанность моего сына, – безразлично сказала мама. – Но я удивлена, что рыцарь Короны, подобно смерду, не понимает, что Светлый Клинок не может принести вреда освободившему его от пут забвения.

Хотел бы я говорить так же гладко! Но видно, для этого нужно иметь отменную память и подходящее настроение.

– Принц Райдок заплатил за Ванаир кровью, пролитой в руинах Ралладора – королевской кровью Дианара! И уж тем более неуместно, даже дерзко – в праздничный день вспоминать о потерях, понесенных Доменом.

Орбен уже немного приободрился.

– Ваше высочество, прошу милости! Угли Айнала жгут сердца всех преданных Короне! Они призывают к отмщению, и я не вижу зла в напоминании об этом.

– О мести мы будем говорить завтра, – непреклонно сказала мама. Сегодня – праздник. Ты заслужишь мою милость, паж, если до удара гонга принц Райдок будет готов к церемонии.

И как же они взялись за меня, все вчетвером! Только руки мелькали перед моим лицом и ножницы зачем-то щелкали

над ухом – то ли меня попутно подстригли, то ли надо было укоротить какие-то шнурочки на плечах. Я даже второй кувшинчик допить не успел.

Но гонг еще не прогудел, проводя очередную черту поперек времени, а я уже был одет. Правда, как-то странно – во все оттенки серого. Надо полагать, это для того, чтобы легко было выразить каким-нибудь символом вручение мне Цвета.

– А теперь оставьте нас, – приказала мама. – Когда настанет час, паж, ты будешь нести Ванаир за принцем Райдоком. Держись в десяти шагах позади. Идите!..

Исчезающая последней Сейлен аккуратно притворила дверь.

– Успеем, хотя и не все, чего я хотела, получится, – сказала властительная Альда, глядя в окно. – Этот мальчишка не зря помнит об Айнале. Но ты еще не знаешь последней вести.

Последней! Я и первой не знал! Не знаю, почему, но в отношении Айнала быстрое вспоминание не действовало. Может быть, заклятие каким-то образом было связано именно с этим? Если я правильно понимаю, некоторое строение или группу строений, принадлежащее Белому домену и называемое Айнал, сожгли злые враги, за что им следует отомстить. А дальше?

– Я слушаю тебя, – серьезно сказал я, отходя к секретеру.

– Войска, отправленные на помощь Айналу, опоздали. Их предводитель, Отважный Лэйхэм, не бросился на штурм го-

рящих башен...

Та-ак. Плохо, очень плохо. Башен – это, надо полагать, замок. А потеря замка почти всегда сопряжена с потерей территорий. Только этого нам и не хватало... Насколько я припоминаю, у Белого домена – земель, в общем-то, раз, два, ну три, и обчелся. Фу ты, слово какое пакостное... Вроде раз, два, и обоссался...

– Он отвел свое Знамя к опорной башне Дайгроу, на раздорожье у плоскогорья Бестсайн, и ждал отряда, вышедшего из Сапфира.

Сапфир! Вспоминаю, отлично вспоминаю... Жемчужина Западной реки, столица Синего домена до Второго передела... Ух ты!.. Передел! Рассказывай, мамочка, рассказывай...

Я незаметно – как мне казалось – выдвинул ящик секретера и попытался перепрятать письмо в карман камзола.

– Знамена Сапфира были в двух днях пути... А что это за письмо?

Здрасьте! Я замер.

– Это...

– Тебе опять пишут из Харденанга? – в голосе мамы прозвучал мягкий юмор, и я испугался. Не знаю я, что такое Харденанг, но кажется, у меня там девочка... Это плохо. Я так никогда не разберусь. Срочно найти Сагастена и расколдовать, пока не поздно!

– Ну... в общем... нет, это я написал. Сейчас уже некогда,

разберусь после церемонии.

– Ну-ну. Честно говоря, с твоей перепиской давно следовало бы разобраться. Насколько мне известно, ты часто получаешь письма от Нагона. Возможно, это не худшее из зол, но почему ты мне их никогда не показываешь? Или в твоих письмах действительно есть что-нибудь зазорное?

Она сделала шаг от окна в мою сторону и я лихорадочно затеребил конверт, пытаюсь сообразить, как выкручиваться. Теперь еще Нагон. Кто это, боги, помогите мне и смилюйтесь?

Я запихал письмо поглубже в карман серо-стального камзола и попытался покраснеть.

– Ну... понимаешь, мама...

– Потом, – прервала меня Альда. – Есть вещи поважнее. Ты слушаешь?

Я перевел дыхание и продемонстрировал уважительную покорность. Нагруженную, как верблюд, пятью увесистыми тюками интереса и внимания. А что такое верблюд, кстати?

– Войска из Сапфира находились в двух днях пути от Дайгроу – три Знамени тяжелой наемной пехоты под предводительством наследного принца Селлери. Рядом с ним были Отважный Линдолл и твой старший сиблинг, принц без Цвета Гэйтхэйт, приведший к Селлери подмогу из храма Дельфоса. Они успешно преодолели остаток пути и соединились с отрядом Лэйхэма у развилки. Мы полагали, что армия такой силы надежно защитит нас с юга, на случай, если Отвер-

женный решит развить успех, не медля. А сразу после торжества царственный Сенрайд собирался отправить к развилке новые подкрепления, чтобы затем, придав войскам в проводники пленных горцев, спуститься с южных отрогов Бестсайна незамеченными, по крутым склонам, и нанести ответный удар. Разумеется, руины Айнала непригодны более для использования... но, оттеснив противника к горным проходам и дальним переправам через Западную, мы сохранили бы все земли, столь ценные для нашего Домена.

Я кивнул.

– Однако сегодня утром нас настигла злая весть. Три Знамени Отверженного вышли к развилке, предводительствуемые неизвестным Принцем Проклятого домена; в их рядах торжествовала призрачная нечисть с отрогов Хинд'а'кхора. И вот тебе новость для праздничного дня, – мама недобро усмехнулась. – Наша армия полностью уничтожена. Немногие попали в плен, но многие погибли. Принц Селлери убит этим самым молодым бастардом Проклятого. Мы раньше никогда не встречались с ним – хотя немногие уцелевшие после предыдущей битвы утверждают, что именно он руководил штурмом Айнала. Сами воины Отверженного называли его Черный Принц.

Мама на мгновение замолчала и продолжила с нескрываемой горечью.

– Лэйхэм сражен лунным дьяволом. Линдолл сожжен в башне вместе со своими последними гвардейцами. Судьба

Гэйтхэйта неизвестна. Дайгроу теперь – закопченные оплавленные стены, до половины высоты заваленные золой и костями. В огне погиб Глаз Юга, с таким трудом спасенный беглецами из Айнала. И рог Юнихорн снят с груди Селлери бастардом. Земли южнее плоскогорья потеряны для нас, мальчик мой. Боюсь, что сразу после праздника всем нам предстоит взять в руки оружие.

Плывущий раскат гонга заставил прекрасную Альду замолчать, и тотчас же распахнулась дверь. Ох, уж эта Сейлен! Подслушивала она, что ли?

Кстати, тоже неплохая идея. Подслушивают, как правило, с некоторой целью. Шпионаж, дворцовая интрига, заговор? Против кого? Ну конечно, против меня. Если шпионаж, то в пользу этого, как его... Проклятого. А если дворцовая интрига... ну, тут не разберешься. Это обычно клубок без начала и без конца, без причин и следствий. Зато нередко с серьезными последствиями. О, повелитель Райдок, вы уже словами играете... А подозревать детей в антирайдоковской деятельности – это, знаете ли, паранойя. Но мы будем все валить на осложнения после магической травмы. И паранойю, и шизофрению. И маниакально-депрессивные психозы, которых у меня пока что вроде нет. Но я не специалист.

Есть еще такая штука – женское любопытство называется. Что-то вроде информационной клептомании. Это если она подслушивала. А то, может, сидела девочка у окошечка, услышала гонг и бросилась услужить, а я на нее бочки ка-

чу... А мне можно, я принц, я капризный. Вот вам всем. Фу.

И выплыли мы с Изумрудной принцессой Альдой из комнаты рядышком. И пошли впереди всех черт знает куда. Хорошо, что мама стальными пальчиками поймала меня за локоть и была непреклонна на поворотах. И пытался я думать, а она пыталась со мной разговаривать, но уж и не знаю, кто из нас меньше преуспел.

– Ты знаешь, Райдок, что тебе был предначертан сегодня Багрянец. И не спорь со мной, это было бы справедливо...

Не знаю. Не спорю. Знаки Огня... призвать к Цвету... Отвергший Цвета... столица колората... бедны мы, бедны... потеряли Айнал, стали еще беднее... Багрянец – цвет без колората? С утраченными феодами? Ага, я мог бы спорить и возражать, что оставляют без земель, средств и реальной власти. Наследства лишают, заветной исконной девственности, стало быть. Грубо говоря, поимели по династической привычке вульгарным образом и погнали со Двора поганой метлой. Напишу на черном щите красной краской «Дефлорадо» и буду скитаться по родному Домену... Я вообще когда-нибудь мог минуты две последовательно думать об одном и том же?..

– Но теперь сложилась ситуация, с которой в нашем Доме не мы встречались за все время правления рода Селекса. У нас сохранились пять колоратов, но живы и держат Цвет только четыре принца. Ты понимаешь?

– Понимаю, конечно.

Если честно, то не очень я понимаю, но выкрутиться, похоже, смогу.

– Освободился Янтарь покойного Властителя Селлери, и если... Райдок, куда ты все время рвешься на поворотах?

– Прости, мама, я просто очень взволнован и все время отвлекаюсь.

– Настоящего принца волнение должно заставлять собраться. Стыдись, Райдок. Если передать твоему бестолковому дядюшке Данку Янтарь, то ты можешь претендовать на Оранж, понимаешь?

– А...

– А твой ненаглядный сиблинг прогнется! Единственное, на что он может пока что рассчитывать – это сочувствие отца. А уж если ему так нужны власть и подвиги, пусть отправится в поход и займет себе приличный город! Хоть Сандерклифф, пожалуйста! Цвет ему в руки!

Кажется, Альда не любит моего сводного брата. Не думал я, что она может так разъяриться.

– Как бы он не захотел разжиться вот этим городом, – нечаянно сказал я вслух. И правильно сделал.

– А вот во избежание эксцессов мои люди за ним и следят, – мгновенно успокоилась мама.

Тут бы мне и утихомириться. Но язык мой продолжал говорить помимо моего участия. Честное слово! Я и сам-то толком не понял, чего сказал!

– Мама, а почему бы мне в таком случае не взять прилич-

ный отряд и не попытаться отбить Кармин? Вполне приличный город для Красного принца, по-моему...

Боги, я понятия не имел, где этот самый Кармин находится, и чем он хорош для Красного принца! Разве что названием...

Мама просто вышла из себя. Кажется, даже в буквальном смысле. Ее физическая оболочка продолжала увлекать меня за собой, а духовная сущность набросилась на мои слова с слепым остервенением голодного виверна.

– Райдок, ты сошел с ума? Что ты себе позволяешь? Что ты... Как ты смеешь говорить такие вещи мне? И в такой день!.. Теперь я знаю, откуда набрались дерзости твои слуги! Ты смеешь упрекать меня за то, что случилось еще до твоего рождения? Да еще за то, что, по существу, и позволило тебе, неблагодарной твари, родиться? За то, что ты учился в Дейненделле? За то, что ты сейчас можешь обмениваться подленькими ухмылочками с Нагоном? Когда я слышу такие слова от тебя, я понимаю, что тебе не только Оранж не следует вручать, тебе даже Вормлинкские пески доверить нельзя! Ну хорошо же! Уши я тебе надеру после церемонии, а теперь войди! Войди и склонись перед отцом!

Распахнулись тяжелые двери часовни, и я увидел отца. Я не узнал бы его, если бы не белая мантия и венец, усыпанный бриллиантами. Только бриллиантами, без единого камня иного цвета, оправленными в серебро и платину.

Я решительно пересек разъединявшее нас пространство и

в пяти шагах от отца опустил на правое колено.

– Приветствую тебя и склоняюсь перед тобой, Белый Властитель, принц мой Сенрайд, – сказал я.

Эту фразу я придумывал на ходу, но возражений у собравшихся она не вызвала.

Рядом с отцом стоял Сагастен в сером плаще, за ним, у алтаря, пылал огонь. Сейлен и компания остались за плотно притворенной дверью, и теперь в часовне, кроме меня, были только пять человек.

Мама – чуть сзади, отец и Сагастен – у алтаря, и еще двое немного в стороне. Один из них был, без сомнения, Данк. Я узнал его лицо, врезавшееся в память еще во сне, узнал бы и по оранжевому плащу, скрепленному на плече застёжкой из редкостного оранжевого граната, что зовется еще пламенником и встречается, по легендам, только в далеком и неприступном горном кольце вокруг легендарного Замка Летающих Радуг.

Но что за женщина стояла рядом с ним, в платье цвета нежнейшей весенней лазури, в тиаре голубых бериллов и голубых же топазов? Голубая... нет, ведь по Цвету прямо именовать можно только мужчин, женщин надо титуловать именем Камня...

Тут отец заговорил и последние убогие рассуждения пришлось прервать.

– Начинаем Переключку Очагов; пусть объявит о себе недостойный участвовать в ней.

Я вздрогнул, но мамина рука уверенно легла на мое плечо и пригнула меня к полу.

– Считаю себя достойной, – четко сказала Альда.

– Не лишний и я здесь, – сказал Данк, явно повторяя привычные слова давно знакомого ритуала.

– Не отнимется у меня это право, – сказала незнакомая женщина.

– Нет сомнений у носящего белое, – после небольшой паузы сказал отец.

– Я, маг и советник Домена Сагастен, верный слуга Короны, – продолжил мой друг и наставник, – слышал и подтверждаю право каждого из названных. Но коротка эта перекличка.

– Мы собрались, чтобы сделать ее длиннее, – сказал отец.

– Что за юношу ты ввел в Зал Тайны, Белый Властитель? – спросил Сагастен. – Он не сказал о праве своем, я не вижу на нем его Цвета. Кто он, Властитель?

– Да будет представлен Огню Бесцветный принц Райдок, – сказал Сенрайд. – По моему желанию он здесь.

– Даруешь ли ты ему право присутствия и посвящения?

– Дарую ему неотъемлемое право, – голос отца звучал торжественно.

– Даруешь ли ты ему Цвет, защищающий право?

– Дарую ему Цвет, и да будет он того достоин.

– Какой Цвет ты даруешь Бесцветному, о Белый Властитель, повелевающий радугой, ею сотканный, ее порождаю-

щий?

– Дарую ему Цвет Багряный, цвет крови и пламени, цвет спелого плода и щек девичьих, цвет доброго рубина и хмельного вина.

– Что дашь ты ему вместе со Цветом?

– Дам ему место у трона и голос в совете, право возвыситься и право наследовать, долг сражаться и долг побеждать... – голос отца на секунду прервался, – ...и долю во всяком, что есть у меня и у Домена.

«Город для Цвета его и войско для Знамени его», – неожиданно вспомнил я. Вот что пришлось отцу выбросить из ритуала! Нет для меня города, это понятно. Но значит, войска тоже нет?

Ох, как же это все плохо! И в довершение зол я ничего не помню! Ох, не на добро чары насланы, ох, не на добро!..

– Встань и приблизься, принц Райдок, – сказал Сагастен. – Ты призван к Цвету.

Я поднялся с колена и подошел к нему почти вплотную.

– Сагастен... – одними губами сказал я.

– Изъявите свою волю, повелители Домена, – сказал Сагастен, не обратив на меня внимания.

– Я, Белый принц Сенрайд, Властитель Домена, желаю увидеть сына моего, рожденного в Дианаре, законного принца и наследника, в плаще Красного принца, – неторопливо сказал отец.

– Я, Изумрудная принцесса Альда, леди Дельфоса, пове-

лительница Харденанга, желаю увидеть сына моего, рожденного в Дианаре, законного принца и наследника, в плаще Красного принца, – мгновенно отозвалась мама.

– Я, Оранжевый принц Данк, повелитель Ранскурта, желаю и согласен назвать Райдока, что без Цвета, Красным принцем, – сказал Данк и дружелюбно подмигнул мне.

– Сагастен! – в отчаянии я попытался сказать это чуть громче. Но уже говорила дама в голубом:

– Я, Берилловая принцесса Сельфа, повелительница Дэдлока, желаю, чтобы исполнилась воля Властителя Сенрайда. Я согласна назвать Райдока, что без Цвета, Красным принцем.

Чеканная формулировка, ничего не скажешь. Судя по всему, добрая принцесса Сельфа не в восторге от происходящего. Но во враги ее записывать рано. И кстати, кто она мне в смысле родства? Для сестры не слишком молодо выглядит, вообще-то. С другой стороны, как раз мою маму можно было посчитать и сестрой... С этими принцами пока разберешься...

– Преклони колено, принц Райдок, ты допущен к Цвету.

– Сагастен!.. – простонал я.

На этот раз он услышал.

– Что, малыш? – спросил он, пряча движение губ в усах.

– Я зачарован, Сагастен! Помоги!

Вместо испуга на его лице появилось легкое удивление.

– Как, еще до церемонии? Мы же высчитали, что это

должно случиться после!..

– Не знаю я!.. – шептал я иступленно. – Ничего я не помню! Сделай что-нибудь!

– погоди... потерпи чуть-чуть, – лицо Сагастена приняло озабоченное выражение. Но медлить и впрямь было уже нельзя.

– Есть ли у кого-нибудь возражения, которые могут помешать или запретить принцу Райдоку принять Цвет?

Все молчали.

– Я, Сагастен, маг и советник Домена, слышал и подтверждаю все сказанное здесь! Да вручат принцу Райдоку знаки Цвета!

Альда подошла первой и передала мне какую-то плоску.

– Вручаю Красному принцу Знаки Огня!

И что мне теперь с ней делать, с этой пепельницей?

Сзади неслышно приблизился Данк, набросил мне на плечи темно-красный плащ и закрепил его на плече рубиновой фибулой.

– Вручаю Красному принцу Знаки Цвета!

Последним подошел отец и возложил мне на голову легкий обруч червонного золота с огромным красным камнем в центре.

– Вручаю Красному принцу Знаки Власти!

– Встань, Красный Принц! – завершил Сагастен. – Начнем Перекличку Очагов!

В руках отца откуда-то появилась такая же плоска. Он

шагнул к алтарю. Сагастен поднял с подставки нечто среднее между волшебной палочкой и крошечным факелом.

– Цвет твой...

– Белый, – негромко сказал Сенрайд.

Сагастен поднес конец палочки к алтарному огню, и тростинка мгновенно вспыхнула. Маг прикоснулся огоньком к плоске в руках отца. Из плоски вырвался сноп слепящего белого пламени.

– Огонь подтверждает твои слова. Займи свое место, Белый Властитель.

Отец пересек часовню и поднялся на возвышение прямо напротив алтаря.

А следом к алтарю уже шагнула Альда.

– Цвет твой...

– Зеленый.

Запылала изумрудная струя. На расстоянии мамин огонь казался совершенно холодным.

– Это так. Займи свое место, Изумрудная Властительница.

И уже стоял у алтаря Данк.

– Цвет твой...

– Оранжевый, – улыбнулся Данк.

В его руках взорвался спелый апельсин.

Мама прошла за спину Сагастена и поднялась в нишу, которой я раньше вообще не замечал. Я понял, что влип.

– Сагастен!..

– Займи свое место, Оранжевый Повелитель. Цвет твой?

– Голубой, – с легким нетерпением ответила Сельфа. Из ее плоски уже били вверх голубые молнии.

– Ты не ошиблась. Займи свое место. Цвет твой?..

Данк удобно уселся в кресло у двери. Сельфа направилась к тронному возвышению и опустилась на камень у ног отца.

– Сагастен!.. – я чуть не плакал.

Маг поднял на меня изумленный взгляд.

– Отвечай, быстро, огонь погаснет! Тебе плохо?

– Красный, – сказал я громко и сбивчиво зашептал: – Сагастен, послушай, я...

Из моих сложенных ладоней вырвался дымный алый столб.

– Истинно так. Займи свое место.

– Сагастен! – сказал я громко, уже ни о чем не думая.

Мама напряженно подалась вперед.

– Что, Райдок? – тревожно спросил Сагастен вполголоса.

– Я не знаю, куда мне идти!!

Сельфа посмотрела на меня с неподдельным любопытством.

– Подойди к створу Луча, – властно сказал отец.

– Куда?

– Быстрее! – звучным шепотом сказал Данк.

– Я не понимаю. Я ничего не понимаю!

– Стой! – приказала мама. – Стой на месте и не двигайся.

Сельфа!

– Что, Изумрудная?

– Проверь его!

Сельфа разглядывала меня, морща лоб и сжав губы. Потом аккуратно поставила свою пылающую плешку на каменный пол.

– Нормальные люди разрешают подобные сомнения до церемонии.

Из складок платья она добыла продолговатый серебристый предмет и направила его в мою сторону.

Отец встал и склонил ко мне сноп белого огня.

– Что происходит, Райдок?

– Я потерял память, отец. Я зачарован!

Огонь в руках Данка мелодично зашипел и стал угасать.

– Мы с принцем Райдоком задолго до этого дня знали, что неизбежно четырнадцатого счастоцвета, в сапфире, в праздничный день благотворного источника, принца настигнет могущественное заклятие, – поспешно сказал Сагастен. – И будет это после...

– Почему же вы никого не предупредили? – строго и гневно спросил Сенрайд. – Кто дал тебе право, Сагастен, рисковать церемонией?

– Ваше царственное сиятельство, предвещения такого рода нельзя раскрывать никому, кроме посвященных магов: оглашение может исказить реализацию заклятия до неузнаваемости. Кстати!.. Райдок, ты никому не говорил о Дейненделльском пророчестве?

– Да не помню я, Сагастен! – с горечью сказал я. – Я во-

обще почти ничего не помню.

– Прошу простить меня, ваше царственное сиятельство, я продолжаю. Хотя мы и вынуждены были хранить предсказание в тайне, но страха это у меня не вызывало. Все признаки указывали, что это произойдет уже после того, как мы покинем часовню. Вероятнее всего, даже ночью. Я просто поражен случившимся. Либо нам придется отвергнуть нерушимые основы колдовской науки...

– Либо?

Сагастен помолчал, обдумывая ответ.

– Либо вмешалась могучая сила, предугадать появление которой мы не смогли. В таком случае, мы вообще можем сейчас иметь дело с другим заклятием, независимым от предсказанного.

– Альда! – громко сказала Сельфа.

На кончике серебристого стержня затрепетал радужный огонек. Лицо мамы исказилось.

– Крейтлинг! Данк, Сагастен, обездвигайте подмывша!

Отец отшвырнул от себя Знаки Огня. Данк неуверенно поднял руку и совершил странное движение – словно нарисовал в воздухе непонятный иероглиф.

– Где Райдок?! – жестко спросил Сенрайд, подходя ко мне.

– Теперь он не сможет ответить без разрешения создавшего его, отозвался Сагастен. – Разоблаченные крейтлинги этого рода теряют волю и попадают под власть многочислен-

ных запретов.

Они считали меня гомункулом! Псевдоживым подобием исчезнувшего принца!

– Мы чуть было не наделили отродье властью, – мрачно сказала Сельфа.

– Отец!.. – я шагнул навстречу Сенрайду.

Белый принц отшатнулся.

– Сагастен! – взревел он. – Почему ты не сковал его?!

Маг нахмурился и быстро повторил движение Данка.

– Отец!.. – умоляюще повторил я.

– Стойте! – вмешалась Сельфа. – Это страшнее, чем казалось!

– Это не крейтлинг, – уверенно сказал Сагастен. – Или сегодня действительно перестали действовать все магические приемы.

– Но это и не Райдок. Хильфейт не лжет, – упрямо сказала Сельфа, показывая всем серебристый стержень – скорее даже, короткий тонкий жезл.

– Может быть, орколак? Мощный ургмаур? – осторожно спросила Альда. Теперь она выглядела еще моложе и была совсем чужой. Материнскими чувствами от нее и не пахло.

– Как можно распознать орколака? – Отец повернулся к Сагастену.

– Луч хильфейта должен окраситься в красный цвет, – медленно проговорил маг. – Но сейчас это ничего не значит. Ведь Райдок предназначен Багрянцу.

– Но ведь это не Райдок! – яростно сказала Сельфа.

– Начало церемонии могло повлиять и на подменыша, – ответил Сагастен.

– Проверь, – приказал отец. – Это может отсечь часть сомнений.

Сельфа что-то сделала со стержнем, и от него ко мне потянулся яркий радужный луч. На какое-то время я стал совсем беспомощным и не мог даже моргнуть, чтобы уберечь глаза от слепящего света.

Луч прикоснулся ко мне, замерцал и медленно налился глубокой густой лазурью. Все оцепенели.

– Синий цвет, – одними губами произнесла Альда.

– Но после Второго Передела... – начал Данк.

– И Белый. Он все-таки из нашего Домена! – пораженно сказал Сагастен. – Не понимаю...

– Человек Мертвой Радуги! – вскрикнула Сельфа.

– Откуда?! – резко обернулся к ней Данк. – Мертвой Радуги не видели в наших краях много оборотов!

– Она могла появляться в тех краях, откуда родом подменыш, непреклонно сказала Сельфа. – Это единственный способ притвориться созданием Индиго.

– Кроме обреченности Цвету, – заметил Сагастен.

– Но цвета Домена были бы видны!

– Кроме Белого. Синий на бело-синем фоне, понимаешь...

Отец решительно взял меня за запястье, в руке его отку-

да-то появился серебряный кинжал с золотыми насечками.

– Осторожно, Сенрайд, не обожгись, – равнодушно сказала Альда.

Отец бесцеремонно обнажил мою левую руку до локтя и безжалостно полоснул лезвием по коже.

– А-а, тьфу, ой!! – непроизвольно сказал я. – Ты что, с ума сошел? Больно же!! .

Правой рукой я попытался схватиться за рассеченное место.

– Убери руку! – ледяным тоном сказал отец, направляя острие клинка в мое горло.

– Ты хочешь сделать меня по-настоящему Красным? – хмыкнул я, опуская правую руку. Потом посмотрел вниз и замер.

Вместо ожидаемых горячих струек красной крови по предплечью моему поползла густая лента невероятно холодной прозрачно-голубой жидкости. От нее поднимался густой ароматный пар. Жидкость быстро испарялась. Даже воздух вокруг стал невыносимо холодным. На полу, там, куда упали капли Этого... я не мог назвать его своей кровью... возникли белые пятна инея. А по белому растекалась, испаряясь, синеватая субстанция.

– Это же не огонь, – потрясенно сказала мама.

– Синее на белом... – прошептал Данк.

– Это не Райдок, – твердо сказал Сагастен. – И все же... и все же это может быть только Райдок!

Моя правая рука непроизвольно дернулась к карману. Ах, как же я ошибся! В ту же секунду пристально следившая за мной Альда крикнула:

– Письмо! Отберите у него письмо!

Отец перехватил мою правую руку. Сагастен остановил левую. Данк могучими лапами ухватил меня сзади за плечи. Сельфа быстро опустила руку в карман моего камзола и выхватила оттуда заветный конверт.

– Не на!.. – успел крикнуть я.

– «Тому, кто...» – начала читать вслух Сельфа и вдруг запнулась. Данк! Сенрайд!

В следующую секунду что-то твердое и тяжелое с невероятной силой ударило меня по голове. Последнее, что я успел увидеть, проваливаясь во мрак – страшно оскалившийся Сагастен с тяжелым треножником в руках.

А потом мне стало плохо, темно и очень безразлично.

3

Когда я очнулся, вокруг было темно. Но не ночь ослепляла меня, а тьма в закрытом помещении. Нестерпимо болела голова. Я потрогал темя и обнаружил шишку размером с детский кулак. Попытка ощупать ее вызвала вспышку боли, мгновенную тошноту, огненный калейдоскоп перед глазами и горькую обиду. Мало мне того, что голова сама по себе ни черта не работает, так еще милые родственнички решили остатки мозгов выколотить! На кой им дьявол мои мозги?! Сделать паштет а-ля-Райдок? Вот разве что...

Я придал смелости оцепеневшим сенсорам и аккуратно исследовал окружающее меня пространство. Сначала тактильно. В смысле, на ощупь. Подо мной обнаружилось нечто мохнатое, теплое и мягкое. Нет, не зверь, конечно. Стал бы приличный зверь ждать, пока я его всласть нащупаюсь, как же! Просто какое-то меховое покрывало. Ну что ж, и за это спасибо. А Сагастен-то каков, а? Рано нашего мага списывать со счетов, судари мои. Существо, способное с такой сверхъестественной силой врезать по башке треножником... А треножник я опознал, кстати. Он все время тихо стоял в углу и весил, между прочим, эдак с пол-Райдока. И вот этот тихий старичок берет его одной рукой, и прошу заметить, почти без замаха... И большое спасибо, что без замаха, а то от моего черепка только брызги бы... Оказывается, в первую

очередь я должен неумеренно благодарить своих родных и близких. Не убили, в какой-то вполне приятный застенок за-пахали, подстилки не пожалели... Видно, несчастный принц Райдок пока что достаточно ценная зверушка. Бей в голову, Сагастен, не фиг шкуру портить...

Обоняние и вкус немного добавили к моему видению ситуации. А вот слух... Где-то неподалеку невнятно бубнили в пять голосов. Разговаривали, должно быть.

И вот тут-то я сообразил, где нахожусь.

Из святилища были два выхода. Один внутренний, выходящий в западное крыло дворца, тот, по которому пришли мы с мамой. Второй вел к алтарю от огромной двери, распахивающейся прямо на площадь перед дворцом. Во внутреннем коридоре появляться со мной не рекомендовалось. Там торчали слуги и придворные, которые не преминули бы удивиться... ну, это я еще мягко выразился – удивиться... если бы принц Райдок, вместо того, чтобы появиться на площади, в лучах славы и красном плаще, вдруг въехал бы во внутренние покои на Белом принце, выполняющем роль белого коня, радуя глаз разбитой башкой, в смысле своей, райдоковой башкой, а не коня... то есть Белого... то есть... Тьфу ты, запутался! Башка-то как трещит, боги! За что же ей такое, ну что же это, ну как же это... Да мать же!..

В общем, нельзя меня было выносить вовнутрь. Да и поблизости меня там запихать было некуда. А вот сразу за большой дверью, распахивающейся на площадь, было поме-

щение... Ну, как бы это сказать... Не знаю я, как это называется в архитектуре, а по сути было это нечто среднее между предбанником и коридором. Такая каморка – пять шагов в ширину, десять в длину, а потом опять двери, поменьше, в Зал Алтаря. Поскольку смертным, в принципе, Алтарный Зал, он же Зал Тайны, видеть вроде как не полагалось. Возбуждать же народ чем-нибудь темным, загадочным и крайне элитарным развлечение несложное и приятное. И полезное, кстати, в отличие от говорения правды вслух. Потому у них, у... У нас, у принцев, это занятие выдать добрым вассалам материал для слухов и сплетен – всегда считалось делом славным и почетным.

Так что когда Великим Правителям было угодно явиться народу из Храма, они... мы... нет, я же здесь впервые... они накапливались в этом самом предбаннике, а уж потом раскрывались двери на площадь и одновременно закрывались внутренние двери в зал. Так что никто не успевал ничего разглядеть, только мелькали в глубине очертания алтаря и светлое пятно огня на нем, все терялось во мраке, и внутренние двери величественно захлопывались. Оставляя народу свободу и право толковать и угадывать. А чего ему, народу, еще надо? Поглазеть, пожрать, и потрепаться, упиваясь темным и теплым чувством собственной мудрости и значимости. Да, так о чем это я?..

В общем, валялся я на шкуре в этом самом предбаннике. Правильно валялся. И сбежать мне отсюда было невоз-

можно, и под ногами не путался. Ворота на площадь мне в одиночку не открыть. Их вообще, по-моему, можно открыть только вдесятером, и то снаружи. После того, как изнутри уберут засовы. А если бы я и попытался это сделать, то поднял бы такой грохот, что меня и слепой бы застукал. И тут же нашел бы по натужным стонам. Кстати, меня и сцапал бы даже безрукий. Просто выгреб бы ногой из-под засова. Главный засов в одиночку тоже можно только уронить.

А внутри разговаривали пятеро, которые уже продемонстрировали сегодня свое умение наловить к обеду с полдюжины Райдоков. Без лишней скромности я даже был готов назвать этих говорунов по имени.

– Не будем торопиться, – рассудительно говорил Данк. – У существа, представшего перед нами, облик малыша Райдока. Так?

Ответом было только ворчание, невнятное и недовольное. Судя по всему, Сельфа умоляла жевать пережеванное побыстрее.

– Кто может скопировать облик Райдока? Крейтлинг, конечно, потом любой из оборотней...

Склероз и амнезия – самые приятные болезни для любопытных принцев. В мире, оказывается, столько интересного!

– Человек Мертвой Радуги, – упрямо сказала Сельфа.

– Только по чистой случайности, – тут же отреагировал Сагастен. Мертвая Радуга обряжает своих в облик любого из ныне живущих, но совершенно произвольно – как в же-

ребьевке.

– Мертвая Радуга – вообще лотерея, – агрессивно сказала Сельфа. Почему бы жребию и не упасть на Райдока?

– А причем тогда здесь заклятие? – лениво спросила Альда.

– А заклятием их разменяли, – объяснила Сельфа.

Мне захотелось вмешаться.

– Мама! – жалобно сказал я.

– Хорошо, Человек Мертвой Радуги, – терпеливо сказал Данк. – Кто еще?

Все промолчали.

– Сагастен?

– Не знаю, – после паузы ответил маг.

– Будем считать, что больше некому, – резюмировал Данк. – Сестричка, надеюсь, ты не утаила от нас рождение близнецов?

Мама промолчала так яростно и красноречиво, что я ее не только услышал, но и явственно увидел.

– Данк! – укоризненно прогудел отец.

– Все, все, – торопливо сказал Данк. – Молчу. Идем дальше. Рассматриваемый объект...

– Субъект, гады! – не выдержал я.

– Ребенок очнулся, – сказала Сельфа.

– Помолчи, мешаешь! – крикнула Альда. Очевидно, мне. Вот тебе и мамина ласка!

– Рассматриваемый объект показал, что он, атлис: нече-

ловек; далиг: по обреченности Синий. Кто...

– Мама! – взмолился я. – Башка болит, пить хочу!

– Может, стукнуть его еще раз? – предположил Сенрайд.

Вот тебе и отцовская забота! Я затих.

– Кто из перечисленных подходит под определение «нечеловек»? невозмутимо продолжал Данк. – Разумеется, крейтлинги, оборотни из нежити, потом... потом...

– Преображенный Витязь, – тихо сказала Альда.

– При чем тут... – начал было Данк. – Впрочем... Сагастен, есть ли в мире сила, способная изменять облик Преображенного?

– Не знаю, – медленно сказал Сагастен. – Мне неизвестна такая, но и запрета на ее существование нет.

– А может ли он изменять облик по своему усмотрению?

– Беспочвенный разговор. Не исключено. Но от начала времен такого еще не бывало.

– А какая приобщенность может лежать на Витязе?

– Клятва Домену, мощь храма, ореол Оракула... – задумчиво перечислил Сагастен, – еще, пожалуй, обреченность на успешный штурм, впрочем, последний раз это было так давно...

– Наш Синий город разрушен, – почти неслышно сказала Сельфа, – наш Синий Принц убит...

– Но наш Синий Цвет вакантен, – возразил Данк.

– Два Цвета означают, что это или принц, или витязь, – чуть нараспев сказала Альда. – Но принц – всегда человек.

– А о Преображенном Витязе я не мог бы не знать, – веско сказал отец.

– Разве что он достиг Преображения только что и не успел доложить, поднял голову Сагастен.

– Кто? – с горьким презрением спросил Сенрайд. Мне почему-то стало его жаль. – Лэйхэм и Линдолл убиты. Трусливый Моурис бессмысленно сидит в Дельфосе под предлогом подготовки к обороне, и уж кому-кому, а ему до Преображения далеко, как голодному до сортира. Разве в Домене появлялся еще кто-нибудь?

– Не топчи Моу понапрасну, Белый, – проворчал Данк. – Его немощь вызвана не трусостью, а...

– А идиотизмом! – взорвался Сенрайд. – Кто его просил лазить к Подземному трону? Сагастен ведь передавал из Дейненделла предостережение!..

– Предостережение – еще не запрет, – мягко возразил Данк. – И уж во всяком случае, это был отважный идиотизм. Трусом парня не назовешь.

– Этот отважный идиот стоил мне половины казны, – с горечью сказал Сенрайд. – А принес Домену только неприятности. Единственный поход обернулся пшиком – или не так? Явился с пустыми руками... ф-флибустьер, гнома ему в задни...

– Сенрайд! – со сдержанным упреком сказала Сельфа и возможно, даже покраснела. Берилловым румянцем, должно быть. Впрочем, все понимали, что крепким словом принцес-

су не испугаешь, а поза – личное дело каждого.

– Вернемся к пегасам, – Данка было сложно сбить с мысли. – Наличие в луче Синего Цвета означает в данном случае сумму цветов.

– Почему? – требовательно спросила Альда.

– Без клятвы Домену любой может быть только бесцветным. А Синего домена больше не существует. Значит, Синий – иная, не Клятвенная обреченность, видная на фоне Белого или... или...

– Голубого! – вдруг жестко сказал Сагастен.

– Погодите! – запротестовала Сельфа. – А если он – Синий по рождению?

– По утаенному рождению! – кажется, на Сенрайда тоже снизошло прозрение. Как-то резко все вдруг умнеть стали... кроме меня. Ох-хо-хо...

– Райдок рожден в Дианаре, – решительно сказала Альда. – И всегда был Белым. Пока решение Совета не окрасило его Багряным.

– Мы говорим не о Райдоке, – напомнил Данк, – а об этом...

– Кстати, – вдруг осенило и маму, – когда Райдок писал письмо, он знал, кто это такой!

– Почему?

– Потому что он его не опасался. Согласитесь, что отважным до беспечности Райдока не назовешь.

– Пожалуй, – протянул Сагастен.

– А неизвестность всегда тревожила его в первую очередь. Если бы у него была хоть тень сомнения по поводу происхождения и роли этого... там, за стенкой, явно кивнули в мою сторону, – тон письма был бы совсем другим – да что там, самого письма бы не было!

– Это похоже на правду, – не спеша произнес Данк. – Можно ли, исходя из этого, считать, что подменишь безопасен?

– В пределах компетенции Райдока, – неуверенно сказала Сельфа.

– Достаточно высокой, – заметил Сагастен.

Правда, ребята, доброе слово и принцу лестно! Особенно сидящему взаперти с разбитой головой.

– Появились интересные версии, – весело сказал Данк. – Сиблинг, тайно рожденный в Сапфире! Синий принц заречных кочевников!..

– Рэджор, – сказал Сагастен.

– Что?

– Рэджор. Так они называют своих правителей. Переводится приблизительно – старший и светлый.

– Да ну тебя! Принц – всегда принц, как бы он не назывался! Потом еще – Преображенный Белый Витязь из Синего храма... Сагастен, какое святилище держит Синий Цвет?

– Рагдагкхарр, – нехотя сказал Сагастен.

– Посреди Волчьих болот? – поразился Данк. – Далеко, однако, у тролля на куличках...

– Для заклѣтия это не слишком важно, – с досадой сказал Сенрайд. – Но я же тебе говорю, не может быть в нашем Домене Преображенного, тем более...

– Стоп! – громко сказала Сельфа и отец удивленно умолк. – Стоп! А кто сказал, что Белый витязь – или даже принц – должен быть из нашего Домена?

Некоторое время все пораженно молчали. Потом Данк по слогам сказал, словно прочитал:

– Бе-лый Вос-ток. Вот так, значит...

– Купцы с большой воды, – эхом отозвался Сагастен.

– Я бы попросила!.. – высокомерно сказала мама.

– Да погоди ты, – отмахнулся отец. – Не в словах дело ведь...

– А малыш так прочно дружил с Нагоном... – вспомнил Данк.

– Отсюда, может быть, и беспечный тон письма, – согласился Сенрайд.

– А Нагону под силу заклѣтие весьма значительной мощи, – подтвердил и Сагастен.

– Вы что, всерьез думаете, что на Белой пристани моему сыну могут хотеть зла? – пораженно спросила Альда.

– Зла не зла, но... – замялся Данк.

– Твоему сыну – вряд ли, – добавила Сельфа, – но всем остальным...

Опять повисло нехорошее молчание. Мне стало тревожно и неудобно.

– Хой! – заорал я и попытался встать на четвереньки. Получилось неплохо. – Вы меня, что, собираетесь здесь на смерть уходить? Может, кто-нибудь поинтересуется моим мнением по поводу происходящего?

За дверью подвигались немного. Вслух не было сказано ни слова. Потом усталый и родной голос Сагастена произнес:

– Вообще-то только твоего мнения нам и не хватает для полного бардака, но что-то в твоём предложении мне нравится.

Раздались шаги. Лязгнули железные запоры и дверь медленно отворилась.

Я зажмурился. Зал Алтаря был освещен лишь несколькими факелами, да еще за спиной Сагастена по-прежнему мерцал священный жертвенный огонь, но после темноты моего импровизированного карцера и этот свет показался пронзительно слепящим. Теперь у меня резало в глазах и опять заболела голова. Я качнулся вперед на четвереньках и ткнулся макушкой в чье-то колено.

Просто никаких слов нет! Это уже даже невезухой не назовешь, это просто какое-то издевательство! Из тех искр, что посыпались у меня из глаз, можно было лет двести подряд устраивать фейерверки на каждый праздник! Точно тем самым местом, куда Сагастен приложил руку, точнее, треножник! И прямо в чье-то костлявое колено! Слагаю с себя все мыслимые и немыслимые полномочия. Дайте человеку спокойно лечь и умереть.

Ах ты ж дьявол, я ведь теперь нечеловеком считаюсь...
Не дадут.

Я стал на колени, немножко раскачиваясь взад и вперед, и замычал. Получилось так, будто я отбиваю кому-то земные поклоны.

Одной рукой я взлелеял погибшую черепушку, а второй пошарил перед собой. Так я и знал, трам-тарарам твою тарарам!

Колено было Сагастеново.

Старый маг ласково, но властно взял меня за плечи и поднял на ноги.

– Кто бы ты ни был, открой глаза, – сказал он.

Я открыл.

– Пойдем, – сказал Сагастен. – Сейчас ты сможешь рассказать все, что помнишь, знаешь... или считаешь нужным рассказать.

Я неуверенно шагнул вперед. Сагастен придержал меня за плечо.

– Для простоты мы будем называть тебя Райдоком, – сказал он негромко, но достаточно звучно; так, чтобы слышали те, в зале, – но ты не должен обольщаться этим. Надеюсь, ты понимаешь всю меру нашего сомнения.

Я молча кивнул. Сагастен потрепал меня между лопаток.

– Идем, малыш. Сейчас я осмотрю твою рану, вернее сказать – шишку, а ты расскажешь нам все, что, по-твоему, с тобой стряслось. И начни, пожалуйста, с самого начала, не

стесняясь ничего.

– Сагастен, – сказал я жалобно, – а те, снаружи... ну слуги там, воины... они ничего не заподозрят? Все-таки долго мы тут...

Сагастен улыбнулся.

– Кто, кроме принцев и магов, знает, сколько длится та или иная церемония?

– Все же он прав, – послышался из-за стены голос Данка. – Торопиться мы, конечно, не станем... но давайте-ка и не мешкать попусту.

Мы вошли в Зал Алтаря.

За время моего отсутствия здесь почти ничего не изменилось. Так же были разбросаны по полу священнейшие и драгоценнейшие плоски, так же нагло развалился в своем кресле Данк, так же скромно стоял в уголке смертоубийственный треножник. Единственное по-настоящему серьезное изменение внесла Сельфа. Она задумчиво протирала лаковые туфельки моим красным плащом.

– Присядь, загадка, – почти весело сказал Данк. – Морда у тебя, надо признать, весьма и весьма эльфийская. Совсем зеленая. Очень больно? Э-э!.. Сагастен!

– Чего тебе? – устало проворчал маг.

– Придержи это чудовище, Райдок рекомое, и ответь: почему хильфейт дал Синий луч тому, у кого в руках пылал Красный Огонь?

Сагастен сел. Вот просто взял и опустился на каменный

пол, где стоял. Мама уронила какую-то заколку или брошку, а Сельфа, окаменев с полуоткрытым ртом, машинально драгла моим бывшим плащом голую коленку.

Отец поднялся во весь рост.

– Придушить и не мучиться, – просто сказал он.

– Не дам, – с плохо скрываемым восхищением сказал Сагастен. – Такого же отродясь не бывало! Ему же цены нет! Его же надо в колбе держать и опыты ставить!

– Не надо ставить опыты, – тоскливо попросил я.

– Надо, – наставительно сказал Сагастен.

– Я хороший, – робко сказал я.

– Хороший, хороший, – успокаивающе сказал Сагастен, но жадный огонек в его глазах мне не понравился.

– А я говорю – придушить, – настойчиво сказал отец.

– А где мы другого такого возьмем? – рассеянно спросил Сагастен. Его взгляд блуждал по залу – явно в поисках какого-нибудь сачка или реторты.

– Таких надо во вражьи города засылать, – сказал Данк.

– Ну, – сказала Альда. – А они что сделали?

– Кто «они»?

– Ну откуда я знаю?

– А давайте его отправим навстречу Проклятому, а? – предложил Данк. И посмотрим, и поэкспериментируем, и придушим, в общем-то... Все сразу, давайте, а?

– Значит, все-таки крейтлинг, – Сельфа трудно зашевелилась. – Но какой же он все-таки очеловеченный! Да, это тво-

рение великого мастера.

– Вот хотела бы я знать, где Райдок? – отрешенно сказала Альда.

– Придушить и поскорее, – холодно повторил Сенрайд. – Пока не выяснилось, что он умеет летать, проходить сквозь стены или убивать взглядом.

– Если умеет, много тебе будет проку от спешки, – хмыкнул Данк. – Эй, малыш, чего нос повесил? Не волнуйся, все гораздо хуже, чем тебе кажется!

И вот тут я наконец проснулся.

– Эй! – заорал я, уворачиваясь от Сагастена. – Кое-кто тут, кажется, собирался меня выслушать? Поторопитесь, будьте любезны, пока не выяснилось, что я заразный, и все, кто видел меня, подлежат утоплению в два гонга! А ты, старая жердь, убери лапы! Хочешь – слушай, а не хочешь так давай сразу треножником!

– Однако это похоже на Райдока, – ошеломленно проговорил Данк.

– А бывают заразные заклятия? – озабоченно спросила Сельфа. – То есть, это... переходящие дальше?

– Бывают, – напряженно сказал Сагастен, внимательно следя за мной. Не шуми, малыш, мы обязательно тебя выслушаем! Говори, говори...

– В реторту или в клетку я себя сажать не дам, – я резко повернулся к Сагастену. – Если тебе так хочется поэкспериментировать, подумай лучше, как вернуть мне память, ста-

рая ты швабра! И хватит меня уже попрекать этим самым Нагоном, все равно я не помню, кто это! Хотите издеваться объясните сперва, в чем дело! И кстати, письмо мое, совсем мое, то есть мое и мне же, отдайте немедленно, орки, сатрапы, перлюстраторы поганые! И вообще, не перебивайте меня, пока я окончательно всего не забыл! Тут уже сны начинают сбываться, а вы затеяли философские дебаты, жопы! А ты, отец, если хочешь командовать, так признай сначала, что я твой родной верноподданный любимый сын, а потом команду! А если я нелюдь, нежить и прочая фигня, да еще явно враждебная, так заткнись, пожалуйста! Буду я тогда тебя слушаться, как же! А если меня еще кто-нибудь въевгенит кувалдой по макушке, так я за себя вообще абсолютно не ручаюсь – возьму и копыта откину! А ты, мама, если считаешь, что проще завести нового Райдока, чем починить этого, так вперед! Можете начинать прямо сейчас, я отвернусь! А если ты хочешь, чтобы я участвовал в твоих династических игрищах, так закрой рот, совсем закрой и дай его открыть мне! А ты... – я задохнулся, закашлялся, и продолжение осталось навеки сокрытым от рода Селекса.

Род Селекса внимал с восхищением.

– Райдок! – счастливо сказала Альда. – Вам виднее, кем и как он зачарован, но это – Райдок!

– Такое повторить невозможно, – убежденно сказал Данк. – Это надо повторить всю жизнь малыша, все эти эльфийские хитромудрия и то дерьмо, Альда, которое ты назы-

ваешь королевским воспитанием...

– Но ты сказал, что начинают сбываться сны, – в голосе Сагастена снова были любовь, участие и неподдельный интерес. – Рассказывай же скорее, рассказывай, малыш!

Неужели для того, чтобы тебя полюбили и признали, надо всего лишь закатить истерику? О боги, как же я вел себя, когда все помнил?

И как же это меня еще в колыбельке не пришибли?

Очевидно, Белому домену уж очень был нужен молодой принц. Или я чего-то не понимаю. Но без крайней жизненной необходимости такого типа, как этот ваш Райдок, выдержать нельзя.

Я заговорил.

Говорил я долго и подробно. Пересказал сон, попытался объяснить свои ощущения, перечислил, что я помню, что вспомнил на лету, чего не понимаю и не помню, хоть тресни... В общем, все, что успел передумать за время после пробуждения.

Полгонга спустя великолепная пятерка тоже впитала полный объем моих знаний. И остался я точь-в-точь, как в известной шутке – «давай сначала съедим твои яблоки, а потом каждый свои». Мне-то никто ничего так и не рассказал!

Все выглядели, как после сытного обеда – затихли и переваривали. Только на физиономиях вместо благодушия было написано сосредоточенное напряжение. И стрекотали мозги, как ножницы Алоры у меня над ухом – там, в моей комнате,

сто лет назад...

А мои мысли ворочались тяжело, как пьяный извозчик на проститутке. И проку от этого, кстати, было ровно столько же.

Первым в строй вернулся жизнерадостный Данк.

– Осознал, – сказал он. – Сообразил. Ни ч-черта не понял! Но все равно здорово! Значит, есть шанс, что некоторые элементы этого сна сбудутся? Интер-ресно, чтоб мне орком сдохнуть!

– Не дословно, – отметил Сагастен. – Но смысл соблюден очень точно, если малыш ничего не перепутал.

– Третий на берегу – это, должно быть, Элспейр, – сказала Сельфа.

– Д-да, похоже, – неохотно согласился Сенрайд.

– Чертово отродье, – пробормотала Альда.

– Что?

– Ничего. Я не люблю его.

Отец нахмурился.

– Хватит раздоров, – властно сказал он. – Давайте решать, что делать дальше. Мы здесь действительно слишком долго сидим. Эдак скоро и солнце сядет, так что поторопитесь.

Заговорил Данк.

– Я считаю, что это, атлис: Райдок; далиг: Райдок зачарованный; тайрис: Райдок, преданный нашему Домену; оллиг: Райдок безопасный...

– Тебе алфавита хватит? – ядовито поинтересовалась

Сельфа.

– Уже хватило. Следовательно...

– Малли, – пробормотал Сагастен.

– Кто?!

– Это по-эльфийски. Следовательно. Так говорят мудрецы, чтобы казаться еще умнее.

– Отлично. Малли, я предлагаю быстро вручить Райдоку Цвет, чтобы наши продолжительные посиделки у алтаря не вошли в историю своей безрезультатностью. Народ этого не поймет, и малли, не одобрит.

– А уж сплетен будет! – подхватила Сельфа.

– Я не понял, ты за или против?

– Я и сама не поняла. Значит, за.

– Мы до такой степени ничего не понимаем, и все происходящее до такой степени опасно, что я тоже за, – сказал Сагастен.

– Объяснись, – приказал Сенрайд. – Твоя логика мне неясна.

Сагастен посмотрел ему в глаза.

– Властитель, не будем играть в прятки меж красивых слов. При текущем состоянии дел нашему Домену настал конец.

– Еще не настал! – яростно выкрикнул Данк.

– Уже настал, Оранжевый, – твердо сказал маг. – Будьте честны с собой: ни Белая гавань, ни эльфы помощи не пришлют.

Сельфа согласно уронила голову. Стало очень тихо.

– В Айнале и у Дайгроу погиб цвет нашей армии. Самые сильные бойцы, самые отважные предводители. Три принца, два витязя, отборная тяжелая гвардия. Сожжен самый богатый город, потеряны важнейшие земли, захвачены последние дороги, связывающие нас с остальным миром. Мы зажаты на полуострове, с которого нам не вырваться – разве что по воде. Конечно, уцелевших примут в Кармине, но уже как беженцев без родины. Если мы сможем перебраться через реку...

– Два корабля у меня есть, – тихо сказала Альда.

– Кое-что найдется и Сапфире, – лениво заметил Данк.

– Теперь посмотрим, что у нас осталось, – продолжал Сагастен. Столица, Дианар, сейчас хранит лишь тень былого величия. Вы знаете, что гарнизон Дианара состоит в основном из легкой пехоты, а крепостные стены не очень прочны. Перестраивать город, перевооружать армию уже нет ни времени, ни денег. Следовательно, в случае штурма Дианар мы не удержим. Нас просто сметут с этой равнины, по которой к городу открыты подступы со всех сторон. Харденанг не в счет, это вообще не замок, а поселок у пристани; гарнизона там нет.

– Небольшой есть, – дрожащим голосом сказала мама. Ей было стыдно до слез. – Знамя я как-нибудь наберу...

– Да, из экипажей последних кораблей, – Сагастен мотнул головой. Продолжим. Ранскурт и расположен удачно, и

укреплен хорошо, но у него нет защитников! Данк отдал все, что смог, на границы, и ни один воин не вернулся обратно, на стены Ранскурта! Сумеем ли мы быстро увеличить гарнизон этого города?

Данк отрицательно качнул ладонью.

– Все ресурсы я уже использовал. Кроме личной гвардии. Пол-Знамени легкой пехоты я еще смогу мобилизовать и обучить, но толку-то с того...

– Остаются Дэдлок и Сапфир. Замок Берилловой Леди, конечно, неприступен.

Сельфа гордо вскинула голову.

– У меня четыре Знамени отборных бойцов, – звонко сказала она. – Два Знамени тяжелых рыцарей, Знамя панцирной конницы и Знамя горных секирщиков. Я сама выйду на стены Дэдлока – с Жемчужиной Смерти в руках!

– Скажи спасибо, что два твоих Знамени не успели выйти из Дэдлока к Дайгроу, – мрачно сказал Данк.

– Еще неизвестно, чем бы тогда закончилась битва! – парировала Сельфа. – Ты не видел мои Знамена в бою!

– Плохо бы она закончилась, – безнадежно сказал Данк. – Соединиться с Селлери твои бы не успели... Перелопатили бы вас по очереди – у тебя ведь там по пути и опорных башен-то нет.

– Не о том сейчас мы говорим, – сурово оборвал его Сагастен. – Дэдлок может держаться долго, очень долго, наверняка дольше всех наших городов и замков. Но от него труд-

но добраться до моря, и если мы укроемся в стенах Дэдлока для последнего боя, из окруженного города не спасется уже никто. Гибель Белого домена будет оттянута, но все равно – неизбежна. А спасти нас может только одно.

– Что? – без особого интереса спросила Альда.

– Мы не должны потерять Сапфир. Богатый, хорошо укрепленный Сапфир, на самом берегу Западной, в удобной излучине, прикрытый скалами, с прекрасной пристанью.

– Мы его уже потеряли, – фыркнул Данк. – В городе и Знамени не осталось, все ушли с Селлери и Линдоллом.

– Мы можем перебросить туда стражу Дельфоса во главе с Моурисом, нерешительно сказала Альда.

Данк захохотал.

– Эту инвалидную команду? Прости, Изумрудная, но они только зря будут занимать койки в казарме. Все, кто мог сражаться по-настоящему, ушли из Дельфоса с Гэйтхэйтом – и это были славные бойцы!

– Тогда, возможно, снять часть гарнизона из Дэдлока?

Сельфа нахмурилась. Но прежде, чем она успела ответить, вмешался отец:

– Это ослабит Дэдлок и не спасет Сапфир. И к тому же Данк прав: вернее всего, отряд из Дэдлока не пропустят в Сапфир, а истребят в чистом поле.

– Еще проще нам будет оценить ситуацию так, – размеренно говорил Сагастен. – В трех последних боях мы потеряли шесть с лишним Знамен отборных бойцов и пятерых

предводителей немалой доблести и силы. А сейчас во всем Домене осталось не более восьми Знамен, из них же только четыре по-настоящему боеспособны. И семь предводителей, двое из коих молоды до безобразия, один бессилен, и две – женщины.

– Мы способны сражаться! – грозно сказала Сельфа.

– Не сомневаюсь, – спокойно сказал Сагастен. – И тем не менее, если всех, кто способен носить оружие, собрать в одном месте, получится армия чуть большая по численности, но уступающая по силе той, что уже разгромлена. И даже если армия эта победит, что невероятно, передовые отряды Проклятого, следующий же черный корпус возьмет Домен голыми руками. Вот так обстоят дела, и в глубине души все вы это прекрасно знаете.

– Как же ты предлагаешь защищать Сапфир? – резко спросил отец.

– Я хочу спутать карты, – тихо сказал маг. – Я не знаю и не понимаю, что случилось с Райдоком, но эти чудеса способны спутать карты, поверь, Сенрайд! Я прошу тебя: дай малышу Индиго и направь его оборонять Сапфир! Я не знаю, что мне велит просить об этом – возможно, сразу все, что мы сегодня слышали? Нечеловек Синего предназначения, но все-таки принц... Если Синий принц, принявший цвет в сапфире четырнадцатого счастьяцвета, будет сражаться в городе Сапфир, бывшей столице Синего домена... Понимаешь? Может быть, даже с обреченностью победе! И победе в Си-

неве! Это может спутать карты кому угодно, и в особенности – Отринувшему Цвета. Ведь он на это совершенно не обращает внимания! В такой ситуации он может сделать ошибку, а вот тогда...

– А если Райдок не справится? – быстро спросил Данк.

– Сапфир все равно будет потерян, – равнодушно ответил Сагастен.

– А если он все-таки заслан нам на погибель и предаст? – лукаво спросила Сельфа.

– Не все ли равно, как погибнет Сапфир?

– Но Сапфир – центр Янтарного колората! – сказал отец.

– Да, а ранее – Белого, – согласился Сагастен. – И не ты ли, о Белый принц, мой повелитель, был некогда его сиятельством Зеленым наследником, а до того – и Голубым?

– Но Райдок был предназначен линии Теплых Цветов, – нервно сказала мама, яростно потирая щеку.

– Разве вы не примете его в Холодную линию?

– Но... – пискнул я.

Маг обернулся и посмотрел на меня изучающе.

– А тебя вообще никто не спрашивает.

Отец вдруг хлопнул кулаком по каменной ступеньке и поднялся.

– Согласен, демон тебя заешь! Начинай, Гастен-са!

И огонь у алтаря вспыхнул ярче. И мощно зазвучал распевный голос Сагастена:

– Что за юношу вновь привел ты в Зал Тайны, о Белый

Властитель? Он молчит о праве своем, я не вижу на нем его цвета. Кто он, Повелитель?

– Да предстанет перед огнем Бесцветный принц Райдок, – ответил Сенрайд. – Вновь по моему желанию он здесь.

– Даруешь ли ты...

Я слушал вполуха, а в голове навязчиво билась одна-единственная мысль – неужели я все-таки выкрутился?

– Дарую ему Цвет, и да будет...

Это мы сегодня уже слышали. Глубокого смысла церемонии мне все равно не постичь, пока не вспомнятся уроки Дейненделла.

– ...повелевающий радугой, ею сотканный, ее порождающий?

– Дарую ему Цвет Индиговый, цвет чистого моря и дыма родных очагов, доброго яхонта-сапфира и ясных глаз девицких...

Как же я устал, мамочка милая! Не хватало только выжить в этом водовороте, а теперь умереть от усталости. Ага, вот сейчас должно быть интересно...

– ...место у трона и голос в совете, право возвыситься и право наследовать, долг сражаться и долг побеждать, город для Цвета его и войско для Знамени его, и долю во всяком, что есть у меня и у До...

Я удовлетворенно вздохнул и стал искать взглядом свою площадку.

Сверкали разноцветные огни, звучные голоса родных и близких произносили красивые слова, у меня перед носом то и дело вспыхивал тревожный перламутровый луч хильфейта – Сельфа была крайне осторожна. Меньше энтузиазма было в словах Данка, тревога проскальзывала в голосе Сенрайда, скорбные нотки наполнили речь Альды, Берилловая же принцесса, напротив, стала не такой отстраненной. Судя по всему, Сельфа решила для себя что-то важное и не собиралась отступить от намеченного. Только Сагастен был хладнокровен и уверен в себе, как всегда.

Светлая лунная ночь выскользнула из моей плоскости в свой срок, синий плащ упал на мои плечи, и венец из серебра, выложенный прекрасными сапфирами, опустился на мое бледное чело. Чело было холодное, покрытое липкими каплями ледяного пота, и со стороны непременно должно было выглядеть надменным и непреклонным. Венец аккуратно окружил шишку и надежно закрепился за пластырь, которым заклепили рассеченную кожу. Повинуясь властной руке Сагастена, я направился в угол и сел на маленькую каменную приступочку слева от алтаря. Теперь мы с Данком словно охраняли внутреннюю дверь с двух сторон.

Все закончилось.

Властители Белого Запада неспешно поднялись и напра-

вились к выходу на площадь. Сагастен на ходу поднял с пола шкуру, на которой я провел большую часть межцеремониального интермеццо, и небрежно швырнул ее в угол. Потом взялся двумя руками за тяжелое металлическое кольцо на двери и несколько раз сильно ударил во внутреннюю оковку.

– Распахните дверь! – приказал он невидимым стражникам на площади. Властители Домена покидают храм!

Отец и Данк, поднатужившись, сняли главный засов с двери и попытались вертикально прислонить его к стене слева. С первого раза у них не получилось, но тут же вмешался Сагастен, подпер центральную часть толстенной стальной балки мощным костлявым плечом и резко поставил ее концом на каменные плиты. Я еще раз удивился его невероятной силе. Втроем они, перебирая руками вдоль засова, легко и быстро привалили его к стене. Сельфа мягкими, уверенными движениями откидывала и отодвигала остальные запоры, поменьше, закрепленные на самой двери. Да, наш храм, похоже, мог выдержать серьезную осаду!

Дверь качнулась и стала открываться. Прозвучал громовой голос глашатая:

– Склонитесь, Властители Домена покидают храм!

Альда вдруг издала странный звук – то ли фыркнула, то ли застонала. Сельфа обернулась к ней, задавая немой вопрос.

– Не могу понять, что означает его кровь, – объяснила мама, кивая в мою сторону. – Точнее, то, что у него вместо крови.

– Я здесь многого не понимаю, – серьезно ответила Сельфа. – Но знаю одно: он невыразимо странен, и все же не враг. Хильфейт не лжет.

И дверь, наконец, растворилась, и отраженные белым мрамором лучи закатного солнца брызнули в мои глаза. Сзади медленно сходились створки внутренней двери, отсекая нас от звенящей полутьмы, от огня на алтаре и от всего, что было пережито после полудня. И простор площади, почти необозримый после теснящих стен Зала Тайны, казался добрым символом, светлым знаком грядущего. Грядущего без обреченности. Предстояла тяжелая борьба, и несомненно, много в ней должно было встретиться неизбежного, предвиденного и даже вынужденного. Но из смертельной хватки магической безысходности мы все-таки вырвались. И я вдохнул свежий воздух полной грудью.

Мама снова фыркнула.

– Ты чего? – не шевеля губами, спросил Данк.

– Самые умные мысли могут оказаться бесплодными, э-э... как это у Рассалья... «упав на неблагодарную почву бытия». Я-то уже рассчитывала – ты в Янтаре, к следующей луне Райдок заберет Оранж по Теплой линии... Красиво, черт побери, логично... Могучий принц принимает богатый колорат, не без риска, правда, но кому же и рисковать теперь, как не тебе? Сельфа заняла позиции прочно и надолго, из Дэдлока ее не то что враг, но и Сенрайд не вышибет. Белым принцем в нашей ситуации рисковать нельзя, от меня,

честно говоря, пользы не больше, чем от Моуриса... Ну, раза в три, может, больше, но это же несерьезно... А ребенку – удобный и относительно безопасный Ранскурт, обжитый, близкий, я, в общем-то, рядом – что здесь, что в Харденанге, что в Дельфосе... Можно сказать, полигон. В Ранскурте можно научиться и управлять, и сражаться, и хозяйничать... Да что я это тебе рассказываю? В общем, думала, дура, все просчитала, все решила, даже с этим вот, – она опять мотнула головой в мою сторону, – сегодня посоветовалась. И как последняя рыбачка!.. Обидно-то как!

– Что обидно?

– Воле истинного принца не могут, не должны мешать обстоятельства! Если я решила, что будет так, и молча сжевала собственное решение – чем ценно тогда мое мнение, мое желание? Чем отличаюсь я, отдающая приказы, от любой мужички, приказам повинующейся? Какие же мы властители, если не властны над собой и судьбами своими?

Данк хмыкнул.

– А кто властен над собой, Изумрудная? Ты от рождения в плену этикета, ты даже засыпаешь и просыпаешься, как предписано, а не по воле своей.

– Но власть предписаний выбрала я, я, еще раз я, и никто, кроме меня! И кстати, эти самые предписания говорят мне: принцы рождаются, чтобы повелевать судьбами стран и народов! А не наоборот!

Данк хмыкнул еще раз.

– Изумрудная, плюнь ты на свои аристократические выдумки. Перед камнем, падающим на голову, принц и нищий равны.

– Нет! Нет и нет! Нищий, чтобы уцелеть, обратить внимание на этот камень обязан, а принц не имеет права! Для этого есть слуги, гвардия, охрана, те же нищие, наконец! Они, именно они обязаны убереечь голову правителя, вплоть до того, что камень вообще не должен упасть!

Данк хихикнул.

– Ореол мощи, не позволяющий камню упасть на землю – да это уже бог!

– А разве величайший из богов не есть только лишь Белый принц небесных Доменов? Мы этого пока что не можем и не умеем, но это стыд наш, а не судьба!

Данк пожал плечами.

– Звучит красиво, но я всегда предпочитал действовать сообразно обстоятельствам. Таков мир.

– Если мир мне не по нраву, его следует изменить, – упрямо сказала Альда и замолчала. Я тут же воспользовался паузой.

– О Изумрудная повелительница, – сказал я с максимальной дозой желчи, – не будешь ли ты так добра перестать называть меня «этот»? К тому же, ты скоро устанешь указывать на меня кивками. У тебя уже тиара съехала.

Мама глянула на меня, неожиданно улыбнулась, остановилась и поцеловала меня в висок.

– Не знаю, кто ты, – сказала она мягко, – и потому мне трудно обращаться к тебе, как к сыну – не хотелось бы обмануться...

Я кивнул. Это я хорошо понимал.

– ...но ведешь ты себя, как истинный принц. Как Райдок. Так и хочется надрать тебе уши за наглость!

Судя по всему, сейчас прекрасная Альда мысленно показывала Данку длинный ехидный язык.

А мы медленно шли через площадь наискось, по верхней террасе, от ворот храма к воротам дворца. И толпа молча глазела на нас – таких разноцветных, сияющих и могучих.

Впрочем, этих нескольких десятков горожан было явно недостаточно для того, чтобы образовать толпу. Так, несколько кучек... Да-а, оскудел Белый Запад, оскудел. И ведь это столица! Представляю себе, что имел в виду Сагастен, когда говорил – Харденанг, дескать, не город, а поселок у причала.

Мы дошли до площадки перед дворцом и остановились у верхней ступени. Выстроившись в линию, спиной ко дворцу, лицом к народу. Ряды стражи двойной колоннадой спустились по лестнице с обеих сторон от нас. Раскрылись дворцовые ворота и оттуда вышли придворные, плотной пестрой группой собравшиеся позади.

Сагастен шагнул вперед, спустился на несколько ступенек, остановился и обернулся к нам.

– Позволишь ли ты, мой повелитель, Белый принц Се-

нрайд, возвестить Домену твоему о том, что свершилось сегодня?

Отец стоял, озаренный прямыми лучами вечернего солнца. И лицо его, и плащ его казались золотыми. По левую руку Сенрайда полыхал оранжевый плащ Данка, и бликами по волнам вспыхивали серебряные блески на голубом плаще Сельфы. По правую руку молодой весенней листвой шелестел зеленый шелк маминого плаща. Что касается меня самого, то мне был виден только кусочек левого колена. Но, по-моему, темно-синее рядом со светло-зеленым смотрелось неплохо!

Отец наклонил голову в знак согласия – эдак на пол-пальца, не больше.

– Позволяю и приказываю.

Сагастен вновь повернулся к собравшимся на площади.

– Радуйтесь, жители Дианара и воины Белого домена! В светлый день благотворного источника наследный принц Райдок обрел Цвет!

Внизу одобрительно загудели, даже закричали что-то, правда, вяловато и неразборчиво. Большая часть добрых вассалов явно чего-то ожидала. Сагастен продолжал:

– Знаете вы, что должно было это случиться сегодня, знаете и то, что предуготован был принцу Райдоку Красный Цвет. Но боги сказали свое слово.

В толпе зашумели, оживились – очевидно, вот эта неожиданность и занимала их более всего.

– Мы приняли на себя честь и память, славу и доблесть сгинувшего во мраке Переделов Синего домена. Оттого среди титулов нашего Белого принца, царственного владыки Сенрайда есть слова «Властитель морей», оттого наши белые флаги пересекает синяя полоса. И утратить то, что берегали мы от коварства и алчности, негоже. Потому по совету богов, по зову совести нашей, по велению владыки Сенрайда возвращается городу Сапфиру и землям окрест него достоинство былой столицы Синего домена, и нарекается он городом Синего колората нашего Домена!

Среди горожан началась какая-то химическая реакция. Они галдели, переговаривались друг с другом и вообще вели себя ошеломленно, но азартно. Кто-то даже крикнул «Слава Сенрайду», но крик потонул в общем гомоне. Сагастен неутомимо продолжал, зычным голосом перекрывая шум.

– Наследному принцу Райдоку дарован Синий Цвет и Сапфир для Цвета его! Под синим знаменем поведет он войска к нашим рубежам, чтобы развеять серый пепел и черный дым, которыми жаждет утратить нас Проклятый, Отринувший Цвета! И когда наступят дни побед, мы снова соберемся для того, чтобы решить, где будут храниться и славиться Цвета, недостающие нам для того, чтобы соткать священную Радугу!

Это было хорошо сказано, я опять позавидовал. Какая импровизация без подготовки, без бумажки! Вот просто шагнул на ступеньку, раскрыл рот и сказал...

Народу тоже понравилось. Народ шумел и аплодировал. Гвардейцы охраны хлопали копьями о щиты и ритмично кричали: «Слава Сенрайду! Слава Райдоку!» Внизу же, за отсутствием воинской дисциплины, слаженность отсутствовала, зато наличествовал верноподданнический порыв и большое разнообразие. Там кричали помимо помянутого: «Да славится Домен!», «Мы победим!», почему-то «Да здравствует леди Сельфа!», а также «Ура Сагастену!» и «Долой Проклятого!» Вместе получалось красиво. Хороший у нас все-таки народ!

Как только я повернулся, собираясь поделиться этой мыслью с мамой, кто-то внизу крикнул «А как же Селлери?»

Меня опять прошибло холодным потом. Народ еще не знает о разгроме при Дайгроу! А что будет, когда узнает? И потому я сказал маме так:

– Сворачиваемся побыстрее. Если слухи доберутся до столицы сейчас...

– Не доберутся, – уверенно сказала мама. – От Дайгроу не вернулся никто, даже в Сапфире еще не знают о поражении.

– Откуда же знаем мы? – испугался я.

– Сагастен до последней секунды следил за битвой через Глаз Юга. Потому-то и судьба Гэйтхэйта неизвестна – башня обрушилась раньше, чем последний бой его пришел к концу.

– Тогда, может быть...

– Вырваться он не мог. Он или погиб, или в плену. Но

пленных черные бойцы брали неохотно – Лэйхем перед гибелью был совсем один, но...

– И все же, когда люди узнают...

– Они не узнают. Мы сообщим об этом не раньше, чем...

– Чем – что?..

Мама помолчала.

– После решающей победы или накануне окончательного поражения. В любом случае будет уже почти что все равно.

Что-то не давало мне покоя. Что-то назойливой мухой билось о прозрачные стенки моих полупустых мозгов. Я сосредоточился и вдруг понял, в чем дело! Я настиг эту муху! К сожалению, при этом я хлопнул себя по лбу.

Чрезмерная буквализация сравнений всегда вредит. Бдительная Альда тут же встрепенулась.

– Да?!

– Да нет, ничего... – неубедительно вякнул я.

Альда прищурилась и твердо взяла меня за левый локоть.

– Говори. Ну?

Я решился.

– Мама, я боюсь, что нас подслушивали.

– Кто?

– Сейлен. – Я пересказал то, над чем задумался сразу после удара гонга, когда распахнулась дверь в мою комнату.

Мама озабоченно сжала губы.

– Я прослежу за этим. Эта девчонка... Сейлен...

– Да?

– У тебя с ней что-нибудь было?

Я рассмеялся от всей души.

– Хотел бы я это знать, мама! Я пробовал вспомнить...

– И?..

– Ничего не получается. Не спрашивать же у нее, неудобно как-то...

– Разумеется, не спрашивать, – задумчиво сказала Альда. – О твоей потере памяти не должен знать никто. Возможно, это еще более важная тайна, чем поражение у Дайгроу.

– Ну, с этим проще, – невесело улыбнулся я. – Об этом точно знают только шестеро, и подслушать нас в часовне было невозможно. Хотя...

Мама опять встрепенулась.

– Слушаю тебя.

– Полагаю, что знают семеро, – решительно сказал я.

Прекрасная Альда обвела взглядом Правителей Домена – надо полагать, на всякий случай пересчитывала в уме.

– Послушайте, нельзя ли трепаться не так явно? – возмущенным шепотом поинтересовался Данк за спиной отца.

– Что, очень слышно? – встревожилась мама.

– Очень видно!

Альда благодарно кивнула. И уже почти не поворачиваясь ко мне, деловито спросила:

– Кто же седьмой?

– Тот, кто наслал заклятие.

Изумрудная принцесса долго молчала. Я даже прислушал-

ся от нечего делать к Сагастену. Тот читал нечто вроде проповеди пополам с благодарственной молитвой, и народ согласно подвывал в особо душещипательных местах. Наконец мама снова заговорила.

– Кто бы он ни был... а кто он, я догадаться не в силах... кое с чем у него ничего не получилось.

– С чем же?

– Ты по-прежнему на нашей стороне и по-прежнему предан Домену.

Я согласно кивнул.

– Да. Я так думаю.

– А если ты почувствуешь, что темные силы поднимаются в тебе и ты не можешь с ними совладать, ты дашь об этом знать? Мне или Сагастену?

– Да, мама. Если сумею... и если успею.

Рука Альды легла на мое плечо.

– Тогда можно считать, что эта атака врагу не удалась.

Я хмыкнул – точь-в-точь как Данк на пороге часовни.

– Отчего же? Я теперь почти бессилён – есть ли оружие мощнее, чем понимание происходящего? Я на серьёзном подозрении – даже у самого себя.

– У тебя осталось умение, – веско сказала Альда. – А знания... Что знания? Знания есть у других. Тебе нужен всего лишь надёжный партнер и спутник – он будет для тебя и стражем, и библиотекой. И все станет, как прежде – уже совсем скоро, ведь не так-то и много ты позабыл. Что же

до предательства... Если тебе суждено невольно предать Домен, то для этого будет не слишком много удобных моментов – и все они промелькнут в самом ближайшем будущем. Уже через месяц от этого заклęcia не будет никакого проката... если у него нет других сторон, до поры сокрытых.

– Наверняка есть, – сказал я мрачно.

– Почему ты так думаешь?

– Ведь это очень мощное заклęcie, правда? Если оно так переродило мою сущность, что даже хильфейт не может в ней разобраться?

Альда невесело кивнула.

– Да. Очень мощное.

– Стоило ли расходовать такую мощь лишь затем, чтобы спутать цвета хильфейта и лишитъ памяти – даже не памяти, ты права, только знаний младшего из принцев Домена? Уж если кого и лишитъ памяти, то, например, Сагастена – это действительно была бы невосполнимая утрата для нас.

Альда медленно наклонила голову.

– Да. Ты, пожалуй, прав.

– Значит, в нем сокрыто еще что-то, и оно проявится в урочный час. Как бы после этого не рухнули все наши планы – и былые, и нынешние...

– Я буду думать об этом. Тот, кто готов к удару, наполовину отразил его. Ни меня, ни тебя это уже не застанет врасплох.

– Будем надеяться, – сказал я без особого энтузиазма.

Сагастен завершил свою трепологию могучим вывертом из пятнадцати придаточных предложений, призывающих, берущих за живое, вызывающих искренние и взывающих к сокровенным. Я проникся. Балаган, кажется, закрывался.

– Двигаемся ко дворцу? – полуутвердительно сказал я.

Данк остро глянул на меня.

– Чучело неграмотное! Сейчас ты предстанешь перед подданными!

– Сейчас? – болезненно спросил я.

– ... И обратишься к ним со словами приветствия и благодарности, строго сказал отец.

– Боги на небесах!.. – простонал я. – А что, свежеекрашенным это обязательно?

– Не паясничай, – сказала Альда. – Никто не говорит, что это должно быть долго и красиво. Скажи парочку классических формул, а дальше мы все сделаем.

– Но я же не помню классических формул!

– Тогда импровизируй. Только от чистого сердца. Казенщины даже дураки не любят, – посоветовал Данк.

– Где ж я тебе чистое сердце возьму? – проворчал я, потихоньку выдвигаясь вперед.

– Принц Райдок! – возгласил Сагастен. – Сегодня начался твой путь по Синему лучу священной Радуги. Как будешь ты идти по нему? Возвести об этом Домену!

Я шагнул на ступеньки и быстро спустился чуть пониже мага соответственно оказавшись ближе к народу. Помор-

щился от предвкушения, сжал нервы в кулачок и спрятал в карман нарастающее отвращение.

– Жители Дианара и воины Белого Запада! Синий луч – не самый яркий из лучей Радуги! Но без него Радуга не полна – и я горжусь своим Цветом. Путь мой отныне – путь по лучу. А луч всегда прям, ни хитростью, ни силой его не согнуть. Потому я спокоен за свой путь. И не забывайте: цвета Радуги, сливаясь воедино, порождают Белый Цвет! Потому нет у меня, Синего принца, иной заботы, кроме неустанного служения Белому принцу и Белому домену! Я благодарю всех, кто приветствовал меня.

Так же быстро я поднялся на террасу и занял место подле матери. Внизу ликовали, топали ногами и кричали «Слава Райдоку!» Судя по всему, моя парадная галиматья выглядела достаточно убедительно.

– Нормально, – сказала Альда, как только я перевел дыхание. – Только про Белый Запад ты зря ввернул.

– Почему?

– Это же неофициальный термин. Следует говорить «Белый домен», словно Белого Востока не существует.

– Казуисты. Лицемеры, – сказал я самодовольно. – Великие хранители догм и традиций.

– Что тебе в этом не нравится? – удивилась Альда.

Сагастен поднял руку и заговорил снова:

– На рассвете Синий принц, Повелитель Райдок, покидает столицу. Он отправляется в славный Сапфир, дабы при-

нять бразды правления колоратом. Прими же меч свой, сиятельный Райдок, из рук отца! Прими вместе с добрым напутствием и принеси клятву Домену!

– Можешь не бояться, малыш, – могучим шепотом сообщил Данк. – Это уже совсем просто: надо только повторять слова за Сенрайдом.

– Орбен! – негромко позвал я.

Паж уже приближался к нам. Альда виртуозно скользнула мне за спину и появилась с другой стороны. Теперь Орбен оказался перед просветом в рядах Повелителей, между мной и отцом. Он опустил на правое колено, держа Ванаир на вытянутых руках.

– Меч сиятельного Райдока, Синего принца Домена! – звонко сказал он.

Толпа всколыхнулась и затихла.

Отец взял меч в ножнах из его рук и досадливо поморщился.

– Очень, очень горячие, – горестно шепнул Орбен, незаметно потирая ладони о штанину. Затем он выпрямился, низко поклонился и вернулся в группу придворных.

– Преклони колено, – почти беззвучно сказала мама мне в затылок.

– Какое?

– Балбес! Перед правителем – правое.

Я послушно опустил на правое колено.

Отец, держа ножны правой рукой у самого конца, а левой

– возле устья, развернул Ванаир по диагонали, рукоятью в мою сторону, и скользнув пальцами к крестовине, на треть выдвинул клинок из ножен. Потом снова взялся левой рукой за ножны и еще больше повернул рукоять ко мне. Теперь линия клинка соединяла мое правое плечо с правым плечом отца.

– Клянись, сын мой.

– Возьмись за рукоять, – сказала мама.

Я повиновался. Почти забытое ощущение странной могучей силы охватило меня. Да, было сегодня в этом клинке что-то такое, что заставляло отнестись к нему с уважением и осторожностью.

– Клянусь телом и духом, мыслью и словом, знанием и оружием служить Белому домену и Властителю его Сенрайду.

Мой голос разносился над площадью, голос же отца слышал только я.

– Клянусь помыслы и деяния, чаяния и стремления направлять единственно на пользу Домену и во славу Белого принца. Клянусь являться по первому его зову и отправляться в путь по первому повелению. Клянусь сражаться без страха и лени, без жалости к себе и без жалости к врагу. Клянусь хранить честь Цвета и достояние колората, а выше того – честь Белого принца и достояние Домена. И да будет Властитель Домена властен над жизнью моей и смертью. А если не станет Властителя, клянусь остаться верным До-

мену. А если не станет Домена, клянусь сохранить верность Властителю. И да будет эта клятва нерушима до конца времен либо до конца дней, мне отпущенных.

– Да будет так, и не минуют тебя почести, не обойдет тебя слава, и не лишишься ты любви моей, – скрепил клятву Сенрайд.

Рядом снова неслышно возник Орбен. Отец потянул ножны к себе, обнажая клинок, и передал их моему пажу. Скорее по памяти тела, нежели повинуюсь уму, я прикоснулся губами к ледяному лезвию, потом поднялся с колен, обернулся лицом к площади и вознес клинок над головой.

– Смотрите и слушайте! – крикнул Сенрайд. – Вот Синий принц Райдок, голос мой и рука моя! Повинуйтесь же ему и любите его! И да будет сегодня праздник в Дианаре!

Толпа зашумела. Ее, кстати сказать, за это время и прибавилось чуть ли не впятеро. Теперь на площади, не считая воинов и придворных, было, наверное, человек четыреста с лишним.

– Слава Сенрайду! Слава Райдоку! – взревели гвардейцы и снова стали портить амуницию без помощи противника. Интересные у них, однако, представления по поводу «преломить копьё»!

– А вот теперь все, – счастливо улыбаясь, сообщил мне Данк. Отползаем. Потихоньку и приветственно улыбаясь. Можешь еще пару раз взмахнуть железкой над головой.

– Будь уважительней к моему мечу, – капризно сказал я,

но не выдержал и тоже улыбнулся.

Орбен каким-то чудом ухитрился незаметно прикрепить ножны к моему поясу. Я еще раз поднял Ванаир над головой и возвратил его домой. Властители Домена покидали площадь.

Солнце коснулось горизонта. Снизу доносились многообещающие команды вроде «выкатить пять бочек». Мимо пробежал солдат со связкой незажженных факелов.

– Ого, – сказал Данк. – А нам поесть-выпить достанется? Где майордом?

– Это потом, – нервно сказал я. – Это вы как-нибудь без меня начните. Выпил-то я сегодня, наверное, полведра, а на счет всего соответствующего терплю с полудня...

– Сагастен, проводи, – приказал отец.

– Вот еще! – возмутился я. – Может, вы и в горшок заглянете?

Сагастен засмеялся.

– Вообще не мешало бы, – сказал он. – Но главный вопрос в другом. Ты что, разве помнишь, где туалет?

– Веди, чародей! – истово воскликнул я и бросился следом. Интересно, как может выглядеть в нашем дворце то, что гордо именуется «туалет»?

Сагастен шагал бодрым походным шагом. Ему, знающему коридоры, и к тому же обремененному не постыдными потребностями, но единственно длинными ногами, шагать было легко и привольно. А я, путающийся в плаще и поворотах,

стиснувший... как это сказать? Если бы с противоположно-го конца, то зубы... в общем, я то и дело подрывался в постыдную мелкую рысь. Трусая за великим магом и стыдливо озираясь, я представлял себе вожденное помещение.

Яркие факелы на стенах, ряд золотых посуды в поганом углу... Нет, в нашем финансовом положении не рисуется. Тусклый чадающий факел, ряд серебряных... бронзовых... фу, Райдок, патина пополам с мочевым камнем... гадость-то какая, однако!.. значит, и не медных... глиняных?

Если эта кочерга не поторопится, в сортир я опоздаю. А если поторопится, расплескаю по дороге. Куда ж ты летишь-то так? Я же потеряюсь!

Дыра в дощатом полу? Невозможно. Ведь были мы и славны и богаты... Золотую ночную вазу, инкрустированную самоцветами... изнутри, хо! Вот идиотизм!.. Можно продать, но не станешь же выковыривать мраморные плиты из пола.

А почему, собственно говоря, меня это так волнует? Я и на кустик в чистом поле согласен. Согласен даже на чистое поле без кустика!

И тут мы добрались до искомого.

Первые две минуты я ничего вокруг не видел. Я света белого не видел, черт бы побрал того, кто шил этот костюм! Я сразу запутался в ремнях и шнурках, чуть было не отстегнул Ванаир и тут же намертво затянул принципиально важный шнурок, без которого – никуда. Ни вверх, ни вниз, ни тем более вбок. А равномерное журчание где-то в углу чуть не

свело меня с ума окончательно. Я попытался разодрать брюки. Это был какой-то приступ бешенства пополам с отчаянием. Но сил не хватило; и ткань, и нитки были прочны. Пусть ад для этого портного выглядит так же!

Исступленная холодная логика безысходности подсказала выход. Я выдвинул Ванаир из ножен и о леденящую бритвенно острую сталь перерезал поганый шнурок.

А-ах-х-х!!!

Постепенно ко мне стало возвращаться зрение, а за ним и все остальное прибрело на дрожащих от блаженства задних лапках. Я огляделся.

Громадные, в человеческий рост окна выходили на запад, и последние лучи заходящего солнца заливали расплавленной медью просторную светлую комнату. И стены, и пол были выложены камнем, немного похожим на мрамор я не смог вспомнить, как он называется. Камень был желтовато-белым, как старая кость, и словно светящимся изнутри, как алебастр. Длинный сток приводил к отверстию в углу. Оттуда и раздавалось непрестанное журчание. А прямо напротив двери, у дальней торцевой стены стояли четыре каменных... табурета, что ли?

Сагастен перехватил мой удивленный взгляд, но не совсем верно истолковал его.

– Там, в подвале, – сказал он, указывая на отверстие в юго-восточном углу, – течет речушка, даже скорее ручей. Это отведенная часть вод Кимы, из которой берет питьевую воду

весь Дианар.

– И все это потом выливается обратно в реку? – спросил я, мучительно размышляя, как поддерживать брюки без помощи погибшего шнурка.

– Нет, конечно, – улыбнулся Сагастен. – Потом все это попадает в отстойную яму – далеко за городом, почти на берегу. Вода постепенно профильтровывается сквозь песок и золу, а то, что накапливается на дне, регулярно вывозят на окрестные поля. Крестьяне говорят – прекрасное удобрение. Знатоки утверждают, что королевский помет Дианара по благотворному воздействию на почву не уступает коровьему навозу и даже превосходит его. Впрочем, я думаю, это больше связано не с титулами, а с рационом. Коровы, например, вина почти не пьют...

Дверь распахнулась и в туалет вошла прелестная Сельфа.

– Народ ликует, – весело сказала она. – Кузнец Хирак с Восточной дороги уже попытался побить капитана Харта.

– Ну и как? – с интересом спросил Сагастен.

– Кузнец пьет вино на площади. Синяк под глазом лечит. А Харт пошел к нему в кузницу – перчатку чинить. Опять два пальца на перчатке сломал. Крепкий мужик этот Хирак!

Сельфа легко откинула крышку одного из табуретов, аккуратно подняла многослойную голубую юбку и чинно уселась на овальное отверстие в камне. Я зажмурился. Боги! Так вот для чего эти штуки!

– Майордом потешил Данка, – невозмутимо продолжала

Сельфа, скрестив ноги у щиколоток и покачивая сверкающей туфелькой. – Да и Белого, похоже. Эти двое – ну и Альда – уже за столом. Принцы жрут, конечно. Альда вроде больше по вину проходится. А я решила по вашему примеру сначала подготовиться. Райдок, что ты мучаешься?

– Шнурок... – сказал я смущенно.

– Иди сюда, сейчас разберемся. Сагастен, сядь рядом, не маячь перед глазами. Все окно заслонил, невежа! Райдок, держи меч и откинь плащ за плечи, что ты как маленький... Ну... Вот так...

Ловкие тонкие пальцы развязали затянутый узел и отбросили отрезанный кусочек.

– И без него длины прекрасно хватает. Вот так... так... и вот так. А будешь развязывать – тяни за вот этот хвостик, с узелком. Запомнил, ребенок?

– Спасибо, Берилловая, – сказал я неловко.

Она вела себя так приветливо, так естественно! Но я-то не знал больше, что для нас считается естественно, а что запретным. Я мог только имитировать поведение окружающих. Дьявол! Как бы я ни хитрил, как бы ни изворачивался, но Райдок, имитирующий поведение Данка – это и не Райдок, и не Данк!

Нужно учиться. Всему заново и побыстрей.

А я – это все равно я. И там, где речь идет об индивидуальной реакции – то, что я чувствую в первый миг, и есть истинный Райдок. Судя по всему, этот парень, который я,

не больно-то стеснялся реагировать в открытую, по первому порыву.

Я отошел к окну. Солнце по пояс опустилось за край земли и медленно нащупывало ногой камни подземного мира. И в его лучах бронзово-алые блики, ярче плаща Данка, вдруг вспыхнули на необъятной водной шири!

– Море! – вскрикнул я непроизвольно, задыхаясь от восторга.

– Нет, малыш, – Сагастен с ласковой укоризной потрепал меня по плечу и взъерошил волосы на загривке. – Ты и впрямь все забыл. Это Западная, великая Западная, река наших надежд и славы.

– Но ведь на Западной стоит Сапфир, а он совсем в другой стороне, – я не то, чтобы возражал, а просто хотел примирить противоречия, раздражающие мою обездоленную память.

– Ты прав, – мелодично сказала Сельфа, ногой пододвигая к себе кувшин с розовой водой. – Но то, что ты видишь сейчас – основное течение Западной, а Сапфир стоит на берегу широкого, полноводного залива. Западная так мощна и многоструйна, что и залив ее стократ шире, глубже и длиннее, чем иная река. Сапфир – прекрасная гавань, гавань, не знающая бурь. Этот залив на древнем языке моряков и рыбаков зовется Лиаменна – Лунная лагуна. Мы называем его Эйсар – Тихий.

Сельфа умолкла на миг, и тут же вступил старый маг.

– Дейненделльские географы полагают, что ранее, – раньше, чем первый человек появился под небом – почти вся земля нашего Домена была островом, а великая Западная омывала его с обеих сторон. Долина, где сейчас расположен Айнал... – Сагастен запнулся на мгновение и тут же бодро продолжил: – ...была дном реки, которая разбивалась на два рукава о неприступные кручи Бестсайна. Но потом могучие подземные силы, нам еще неизвестные, подняли со дна речного новые скалы, что видим мы сегодня от Бестсайна на юге, и вся вода Западной потекла по левому руслу. Тем не менее, долина Эйсара, углубившаяся за века до пределов, даже в лучшие дни Синего домена не измеренных, не пересохла. Однако теперь это лишь огромный залив, а мы с тобой, малыш, живем на полуострове.

– Однако же пойдем, – Сельфа уже оправляла юбку. – Довольно глупо было бы умереть от голода в туалете!

И мы снова потекли по бесконечно запутанным руслам и старицам коридоров дворца. Однако я уже начинал немного ориентироваться в них. И вот очередной поворот вывел нас в центральную часть дворца и перед нами распахнулся Праздничный зал – во всяком случае, так назвал его Сагастен. Церемониймейстер грохнул жезлом в огромный гонг. Низкий, ласкающий уши гул поплыл по залу.

– Ее сиятельство Берилловая принцесса Сельфа! Его сиятельство Синий принц Райдок! Маг Домена Сагастен!

Властители Домена вкушали от яств. Если это происхо-

дило достаточно часто, то причины финансового кризиса в Домене не вызывали у меня сомнений. Данка я вообще не сразу разглядел среди гор костей. Отец был не то чтобы поскромнее, но гораздо разнообразнее, и потому легко обнаруживался над опустошенными блюдами и тарелками. Мама попыталась приподняться при нашем появлении, но только махнула рукой. Кравчий тут же подбавил вина в ее полуведерный кубок.

– Золотистое эльфийское прошлогоднего разлива уже вполне созрело, сообщила она, впрочем, вполне трезвым голосом. – Замечательный букет, нежный вкус, и совершенно не бьет в голову, не то что эта варварская дрянь, – она презрительно покосилась на Данка.

Я только глянул на кубок, который Данк как раз подносил ко рту, и успокоился за мать. Она вела себя вполне прилично и умеренно. Я бы даже сказал, скромно. И пила немного...

Сельфа ласково пихнула меня в плечо и направилась к противоположному концу стола. Я поймал ее за руку.

– Ты не будешь следить за мной, Берилловая?

Она засмеялась.

– Уже нет.

– Почему?

– А тебе что, понравилось?

Я тоже улыбнулся.

– В общем да, если бы не было так стыдно, тоскливо и страшно. И если бы все это не стоило стольких хлопот. Но

все же ответь, почему?

Сельфа оглядела меня с головы до ног.

– Отвечу. Ты взял в руки Ванаир. Нечисть, нежить не в состоянии этого сделать. Да и простой воин тоже. Только принц или витязь. Это я о клинке вообще. А Ванаир к тому же – твой, только твой. Даже в ножнах он доставлял определенные неудобства пажу, даже Сенрайд, безусловно, преданный Домену, с трудом прикасался к нему. Ты, конечно, сильно изувечен изнутри этим заклятием – хильфейт ясно показывает изменения. Но если меч признал тебя, ты – Райдок. Помни это!

– А письмо? – спросил я.

Сельфа нахмурилась.

– А о письме забудь.

– Но почему? Могу я хотя бы прочитывать его?

– Нет, – в голосе принцессы звучала непоколебимая решимость.

– А если... но...

– Если хочешь, спроси у отца. Но я уверена, он ответит то же самое. Хватит об этом! Иди, наслаждайся ужином. Ведь он дается в твою честь! Доброго аппетита! – Сельфа снова улыбалась.

– Доброго аппетита, – ответил я разочарованно и угрюмо поплелся к своему месту – между мамой и Сагастеном.

Разговаривать мне ни с кем не хотелось, и я был невыразимо рад, что ко мне никто и не обращался. Пришлось вы-

пить несколько раз за свое здоровье и свою же удачу, за царственного Белого папу и за процветание Домена... Альда не солгала, за столом еще никто не знал, что слово «процветание», пожалуй, покинет наш лексикон на многие обороты.

Я больше ел, чем пил, и больше думал, чем ел. И вечер летел быстро, и это было славно после дня, который полз, как змея по стеклу, политому маслом. Было уже совсем темно, когда мы, сытые и нетрезвые, с факелами и свитой, в окружении гвардейцев выползли на верхнюю террасу попрощаться с подданными. Городские жители, судя по всему, выпили поменьше мамы и даже поменьше меня; однако то ли пили они, поставив перед собой вполне конкретную задачу, то ли главную роль все-таки играет качество напитков, но надрались они все прямо-таки в задницу. Мы помахали им факелами, велели выкатить еще пару бочек, растроганно слушали дикий бычий рев «Слава властителям!» и направились к личным апартаментам.

Властители Домена собирались почивать.

Впрочем, меня пришлось сначала найти в коридоре возле библиотеки, потом вернуть на исходные позиции – прямого сообщения между библиотекой и моей спальней не существовало – а потом проводить по пути истинному. В хмельном кураже я решил, что сам найду дорогу – и в принципе, нашел, правда, не туда, куда хотел. Спасибо Сагастену – он первый заинтересовался тем, проводил ли меня кто-нибудь из осведомленных, первый обнаружил меня в тупико-

вом коридоре, опередив любопытных слуг. Найдя меня, он молча сунул мне под нос костлявый кулак; и я извинился перед ним. Честно говоря, мне и самому было стыдно, а про Сагастенов кулак я лишнего знать не хотел.

И уже в спальне меня ждала последняя за этот безумный день неожиданность.

Когда я вошел к себе, отослал слуг от двери и на всякий случай опустил запор, держа факел на отлете, чтобы не капнуть на брюки кипящей смолой, когда я сбросил плащ, распустил шнурки камзола и шагнул к окну, чтобы распахнуть его и упиться ночной прохладой, когда я воткнул факел в кованое кольцо, вколоченное в стену, и развернул к себе бронзовое зеркало, отражающее свет огня и защищающее стену, когда я ослабил ремни сапог и хлебнул вина из кувшина на ажурном подносе, когда я провел усталой рукой по лбу и медленно снял серебряный венец, из перламутровой пены простынь на моей кровати раздался голос:

– Райдок!

Я вздрогнул. Я не имел права на удивление. Я аккуратно положил венец на туфовый подоконник и медленно подошел к кровати.

– Да? – сурово сказал я.

Словно стальная пружина вылетела из путаницы кружев – я даже сощурился и расслабил мышцы, напрягая нервы, так это было похоже на внезапное нападение! Но нет, это было всего лишь нагое девичье тело, покинувшее постель, еще ды-

шащее теплой зыбкой дремой, но уже звенящее готовностью каждой клеточкой действовать и повиноваться.

Загорелая, стройная, худощавая девушка рухнула на колени у моих ног, заодно обратив мое внимание на прекрасный восточный ковер, старой работы мастеров Белой пристани. Да, когда-то мы были богаты...

– Ваше сиятельство!..

– Сейлен, – я провел рукой по ее волосам.

Ну вот и еще одна загадка разрешилась. Что теперь делать? Я не имею права на удивление...

– Ваше сиятельство! Вы недовольны? Чем?

– Я просто устал, Сейлен. Трудный день.

Ее горячие пальцы прижались к моим холодным губам.

– Я все знаю, Райдок, любимый. Я подслушивала у двери. Клянусь всеми богами, небом клянусь, я никому не скажу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.